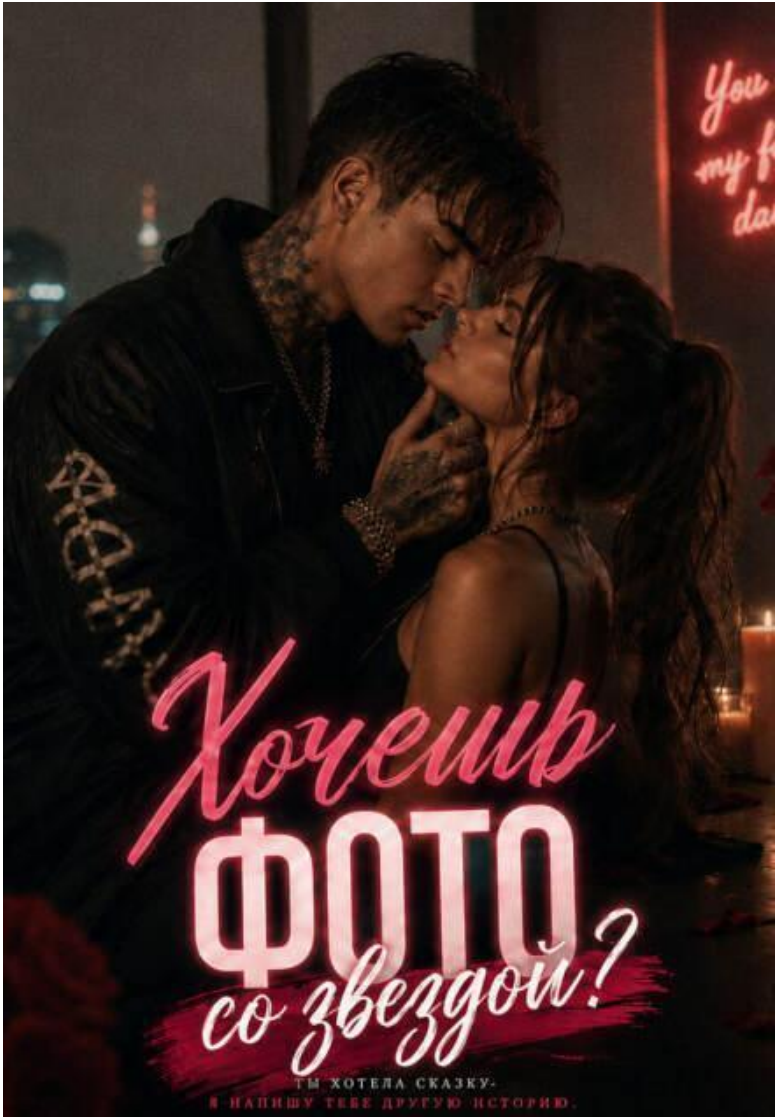

Хочешь
ФОТО
со звездой?
ТЫ ХОТЕЛА СКАЗКУ-
Я НАПИШУ ТЕБЕ ДРУГУЮ ИСТОРИЮ.

Ау Каеши

Хочешь фото со звездой?

https://litres.ru/74713724

Аннотация

Всё началось с маленькой записки, которую я умудрилась засунуть прямо в джинсы любимому музыканту. Меня схватила охрана, подруги назвали сумасшедшей, зато Макс меня заметил! А это уже половина успеха.

Я мечтала о нём годами. Ходила на концерты, следила за каждым его шагом и представляла, как однажды он влюбится именно в меня. И, кажется, моя мечта наконец сбывается!

Теперь у нас свидания, дорогие подарки и тайные встречи. Макс совсем не такой, каким кажется на сцене. Он нежный, внимательный и невероятно заботливый. Правда, иногда у него бывают странные просьбы и маленькие секреты…

Подруги твердят, что я связалась не с тем человеком. Его бывшая рассказывает о нём жуткие вещи. Но разве можно верить девушке, которую бросил такой мужчина?

Я ведь знаю настоящего Макса. Или мне просто очень хочется в это верить?

Теги:

Психология

Дарк-романа

Русреал

Фанатка и кумир
Вебкам
БДСМ практики

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	18
5	21
6	40
7	47
8. Макс	58
9	62
10. Макс	74
11	79
12	84
13. Макс	98
14	102
15	106
16	112
17. Макс	121
18	126
19	138
20. Макс	147
21	155
22	161
23	167

1

Всё началось с того, что я умудрилась засунуть записку со своим номером прямо в его джинсы. Но охрана так быстро схватила меня, что я даже не успела понять, попала ли в карман или пихнула бумажку ему в ширинку.

Не смотря на моё дерзкое «нападение» на артиста, концерт продолжился. Макс даже мне улыбнулся, и улыбался еще долго. От сцены охрана оттащила меня в самую задницу, практически к выходу. Но я все равно видела, как его внимательный взгляд направлен на меня.

— Не надумывай. — Закатывала глаза Ким каждый раз, когда я говорила, что Макс ищет меня в толпе взглядом. — Если и ищет, то чтобы поржать. Зачем ты выскочила?! Теперь стоим тут, а не у сцены!

Мне было все равно на её обиды. Главное, что я коснулась Макса. И даже не просто коснулась. Может, он и не позвонит, может моя записка и улетела куда-то мимо, но мне достаточно и того, что он улыбнулся, смотря прямо в глаза. В мои глаза.

Играет последний трек, Макс срывает майку, голосовые связки натягиваются как струны гитары. Его бархатный, грубоватый тембр заставляет меня таять как лёд на раскаленном камне; за секунду. Летают брызги воды, девочки визжат, колонки ревут. Как он только придумал смешать рэп с рок му-

зыкой? Басы долбят так, что моя грудь слегка подпрыгивает. Вот бы он и это увидел. Хочу оказаться какой-нибудь девочкой из фанфика, которую заметил певец со сцены и увез сразу под венец. Хотя, обычно такие — не фанатки. И приходят с чем-то типа книжки, весь концерт отстраненные… В следующий раз возьму книгу, чем черт не шутит.

Последний удар тарелки, от которого лопаются перепонки. Послав залу на прощание воздушных поцелуев и еще раз обдав толпу водой, Макс с музыкантами уходят. Мне он не махнул… Даже не повернулся в мою сторону.

— Ладно, пошли. — Ким тянет меня к выходу. — Надо в гардероб бежать, пока толпа не очухалась.

Отмахиваюсь от неё, не могу оторвать взгляда от сцены. Может он выйдет снова? На бис? Или раздать автографы? Убила бы за его подпись на майке.

Люди расходятся, Ким убежала в гардероб и сказала, что будет ждать на улице. Протискиваюсь сквозь редеющие толпы обратно к сцене. Охрана тут же сводит брови приметив меня. Ну и пусть смотрят, я, если что, согласна играть в «Ну, погоди» до бесконечности, если Макс выйдет.

Софиты тушат, зал практически опустел, из черных, невидимых ранее дверей, начинает вылезать персонал. Макс так и не вышел.

***

— Ну… — грустно вздыхаю. — Не должен был, но…

— Последний раз я иду с тобой на концерт этого придур-

ка! Не собираюсь поддерживать эту шизу, — ругается Ким, раздраженно всасывая сладкий дым из розовой “парилки”. — Ты уже туда явно не музыку ходишь слушать. Какой это концерт за полгода? Пятый?

— Я не могу… Он такой… — слова еле собираются в предложения от радостных воспоминаний. — Он так смотрел!

Ким лишь сильнее закатывает глаза:

— Подумай логично! Первое: он поет про то, как трахает сук. Второе: человек, который пишет такие тексты явно так и поступает! Нахрена ему ты? Или хочешь стать строчкой в его тексте?

— Это сценический образ! — выпаливаю злобно. — Верю, что он верный, добрый, ранимый…

— Саш, — Ким резко останавливается. — У тебя в головой всё нормально? Ты интервью его бывшей видела?

— Я бы тоже всякую чушь гнала, если бы меня такой как он бросил!

— Всё, — мощной струей изо рта Ким вылетает клуб пара прямо мне в лицо. — Идем домой и не слова по пути про этого Макса!

— Я не верю, что он тебе не нравится.

— Ни слова! — буквально кричит Ким.

Замолкаю и молчу до самого дома. Ким пытается завести разговор о чем-то другом, но я только угукаю. Не могу и не хочу думать о чем-то еще кроме Макса. И так до самого до-

ма. Сегодня ночую у Ким. До моих пердь ехать от сюда больше пяти часов, а в ночи еще дольше. Вот почему так, Макс всегда выступает в залах которых так далеко от моего дома…

Завалившись домой тут же расходимся с Ким по разным комнатам. Она явно устала, а я просто не хочу с ней говорить. Так что разошлись обоюдно-молча, без вопросов.

Еще полночи мечтаю о Максе. Попала ли моя записка в его руки или потерялась где-то по пути. А если дошла, позвонит ли он сейчас или завтра? И позвонит ли вообще? А что, если у него сейчас есть девушка и он, как приличный человек, просто выкинет мой номер в ближайшую мусорку? Вот так просто, даже не узнав, что я лучше чем она. Как легко люди могут упустить свою судьбу из-за каких-то обстоятельств.

Телефон пиликает, я подрываюсь с дивана и несусь как ошпаренная. Это точно Макс! Сердце дрожит, забываю как дышать. Телефон как на зло глючит, не вижу, что за сообщение и от кого, лишь плюс один на экране. Жду пока старая железяка воскреснет и покажет, сама же трясусь как осина на ветру. Нет, не хочу знать, я не готова. Швыряю телефон на диван и даю себе отдышаться. Нет, хочу знать. Снова бегу к телефону, чуть не ломая лодыжку по пути, споткнувшись об свой же носок.

Мама спросила как дела. Дважды...

2

Утром тоже ничего. Один раз позвонил спам. Я так надеялась, что это Макс, что от горя даже не смогла послать этого «сотрудника банка». Нашли время.

Ким меня не провожает, всё еще дуется на непонятно что. Иду на электричку одна, но так даже лучше, хочу побыть наедине с мыслями.

В обед тоже ничего, к вечеру аналогично. Ким написала колючее сообщение с вопросом о том, когда у нас с Максом свидание. Я не ответила. Пошла она…

От концертных басов меня слегка потряхивало еще сутки. По ночам в ушах стоял звон, а на почту уже пришло письмо о следующем концерте. Конечно, я туда пойду! Только денег сейчас нет. С каждым разом билеты всё дороже, хоть бери микрозайм. Мама больше не дает, ведь у нее одно: «Тебе уже двадцать три, иди работай. Либо учись». Куда работать? Кем? А учиться? Я школу еле-еле окончила, со скрипом. И еще на четыре года в этот зубрильный ад, но для тех, кто постарше? Нет-нет. Она меня родила — она пусть меня и тащит. Предохраняться надо было.

Вообще, с моей внешностью и фигурой работать запрещено. Глупо такую объективную красоту разменивать на копейки. Если бы не моя любовь к Максу, то давно бы уже жила с каким-нибудь «папиком». Они мне с утра до вечера в директ

долбятся со своими сердечками. Один даже букет прислал из ста роз. Букет я взяла, но на свидание не согласилась. Сам виноват, надо сначала спрашивать, а потом деньги тратить.

Когда в очередной раз звонит «сотрудник банка», сбрасываю звонок, не ответив. Но потом тут же перезваниваю, прислушавшись к голосу надежды. Ей верить нельзя — это все же был мошенник.

Мама, как и ожидалось, на новый концерт не дает ни рубля, а дата не так уж и далеко. Решаюсь поныть об этом в своем мини-блоге. Может, кто-то из этих «сердечников» из директа скинет на билет. Оставляю грустный пост с номером карты.

Ничего, кроме плачущих смайликов, эти ухажеры не отправили. Ким и вовсе скинула эмодзи мозга. За что она на меня так обиделась? Сколько дней прошло, а я так и не поняла. Спрашивать не буду. Не хочу.

До ночи просто скролю интернет, лайкаю фотографии с концерта, которые подгружаются ежедневно. Некоторые Макс репостит к себе, сразу бегу проверять, нет ли в кадре меня. Нет, ни на одной… Еще пара печальных тапов по экрану — и палец будто ударяет током. Не верю своим глазам, руки начинают трястись, а сердце долбит сильнее любого бас-саунда. Черный фон, без всего, лишь надпись: «Хочешь фото со звездой?».

Это про меня! Именно это я написала в своей записке! Забив на обиду, делаю десять скриншотов сторис и бегу в лич-

ку к Ким. Читает и молчит, молчит и читает. Наверное, тоже не верит своим глазам! Набирает сообщение долго, будто там целая поэма.

— Он над тобой ржет, — приходит ответ.

Завидует. Очевидно, завидует! Это мой шанс, и я не хочу его упускать! Пишу короткое сообщение в ответ на сторис: «Хочу!». Практически сразу появляется отметка о прочтении. Затаиваю дыхание и скрещиваю пальцы.

Жду минуту, две, десять, полчаса. Прочитано и оставлено без ответа. Хочу отправить еще одно следом, может, он просто отвлекся и забыл про меня? Или случайно смахнул? Забыл нажать «Отправить». Беру себя в руки и просто жду, не хочу, чтобы он подумал, что я одержимая фанатка.

Ответ так и не пришел.

3

Прошла почти неделя. У меня был шанс, и я, кажется, упустила. Каждый день думала, что, может, все же отправить еще сообщение следом? Но ни разу так и не решилась. Не сомневаюсь, что после того поста директ Макса просто разрывается от тысячи сообщений. Не хочу улететь в блок за спам… Поищу другой путь связаться с ним, без тысячи пустых сообщений.

Концерт все ближе. Сегодня встречаемся с девочками из фан-клуба, в котором я администраторша. Посидим в кафе, попьем кофе, может, кто-то из них одолжит мне денег?

Прихожу самая последняя, все уже давно собрались за столиком у большого окна. Оксана хлебает кофе так, будто в ее желудке черная дыра: три больших стакана латте уже пусты. Интересно, она знает, сколько в этой сладкой бадяге калорий? Хотя вряд ли эту ультра-плюс-сайз модель это волнует. Удивительно, как под ней стул еще не треснул. Рядом с Оксаной — Вика, хотя она требует, чтобы ее называли Тори. Тори Фокс… Раздражает ужасно, но приходится подыгрывать в ее бреднях. Умалишенных нельзя обижать. Третья в нашей компании — Соня. Такая сладкая, милая, аж до тошноты. Девочка весом килограмм двадцать, с писклявым голоском и ужасно раздражающими манерами. Ее бы отправить в пикми-сити, она бы там точно стала королевой…

Сажусь за стол и натягиваю улыбку до ушей:

— Девчонки! Я так рада вас видеть! Как вы? — Тянусь к Оксане с объятиями, потом к Соне, до Тори, слава богу, не приходится, так как между нами стол. — Соня, ты сегодня такая красотка! — Не могу свести взгляда с ее огромных губ. Там, кажется, уже литров десять гиалуронки. Они в центре даже не смыкаются. — Помада такая сочная, скинешь ссылку?

Соня хихикает и отмахивается, затем лезет в сумку:

— Я знала, что тебе понравится! Поэтому-у-у-у… Купила и тебе! — Соня достает запечатанный флакон блеска для губ. — Держи!

У меня открывается рот от шока. Очередной Сонин понт. Ее родители депутаты, денег — хоть салат делай, и она не упускает возможности об этом напомнить своей «щедростью». Этот блеск стоит как крыло самолета, казалось бы, приятный подарок, но цвет — розовые слюни Барби. Ее подарки всегда нелепы, с флером: «Ну, мне не подошло, решила тебе отдать». Я ношу только черное, какой еще розовый блеск?

— О мой бог, — закрываю рот руками. — Это мне? Ты шутишь?! Он же дорогущий!

— Мелочи! На сайте была акция один плюс один! — улыбается Соня.

Как я и думала. Как и всегда, собственно. Сбывает ненужный ширпотреб мне, как бедной родственнице.

— Не знаю, как тебя благодарить… — кручу блеск в руках, отыгрывая радость.

— И еще кое-что, — Соня странно улыбается и продолжает копаться в сумке. — Только не падайте в обморок, девчонки-и-и!

От того, что она достала из сумки, я действительно хочу упасть под стол. Это билет на следующий концерт, и не просто билет, а проходка в VIP-ложу и за кулисы. Забываю, как дышать, отчего в глазах темнеет.

— Нихрена! — кричит Оксана.

— Откуда?! — Тори хватает билет и рассматривает почти у носа, вчитываясь в каждую букву. — Только один?!

— К сожалению, — печально надувает губы Соня. — Один… Папе подарили на работе.

Все еще сижу молча, не в силах отойти от шока. Вот-вот расплачусь от обиды. Почему ей, почему не мне? Вечно все достается богатеньким уродам за просто так.

— Завидую! Безумно! Сонечка! — Тори отдает билет обратно хозяйке.

— Рада, но не от всей души, конечно, — хохочет Оксана.

Мой взгляд падает на вилку на столе. Кусаю губы, в голову лезут самые ужасные мысли, с трудом гоню их прочь.

— Нечему завидовать, — машет билетом Соня. — Я не пойду туда одна, без вас! Мы же подруги, это было бы крайне несправедливо.

Поднимаю на нее глаза.

— Предлагаю не сеять семя раздора этим билетом и пустить его в дело! А именно — разыграть среди наших подписчиков, — продолжает она.

— Охренеть, как это поднимет охваты, — Оксана залпом допивает стакан латте.

— Я бы ни за что не отдала его на твоем месте, — отвечает Тори.

— Да ладно, сколько раз мы уже были в випках? Хоть раз туда Макс зашел больше чем на минуту? — хмыкает Соня. — Ни потанцевать нормально, ни на него не посмотреть. Не хочу…

А я пиздец как хочу. Да, мы бывали в ложах, и да, Макс обычно относится к этому крайне халтурно. Зашел, улыбнулся, вышел. Но даже ради этой минуты я бы…

— В общем, давайте разыграем его и всё. — Соня кладет билет в центр стола. — Это хорошо прокачает наш канальчик и добавит актива. Все согласны?

— Да, — кивает Тори.

— Я все равно не люблю на концерты ходить… — жмет плечами Оксана.

Конечно, не любит. У нее одышка начинается от двух прыжков… А Тори и вовсе…

— Саш, ты как? — Соня вытягивает меня из болота мыслей.

Сжимаю губы, не хочу отвечать «да», а надо. Как тут ответить иначе? Будто мой голос что-то решит, и они решат

отдать билет мне. Конечно.

— Согласна, — киваю. — Хорошая идея, Сонь. — И улыбаюсь.

— Тогда… Смотрите, — Соня не спешит забирать билет. — На следующей неделе разыграем, но я улетаю. Кто отправит его победителю?

Чуть ли не вскакиваю со стула:

— Я передам! — хлопаю по столу, накрыв билет ладонью. — Мне несложно, все равно не работаю! Делать нечего!

— Полегче-полегче, — смеется в голос Тори. — У тебя взгляд как у голодной волчицы! Передай ты, конечно. Мне все равно лень…

— А я работаю на следующей неделе. После офиса на почту хрен успеешь… — закатывает глаза Оксана.

— Какая инициативность! — говорит Соня. — Точно передашь? — И мерзко хихикает.

— Нет, пойду по нему сама! — шуточно скалю зубы и прячу билет в сумку. — А вас всех кину!

Девочки хором смеются, и я вместе с ними. Конечно, никуда я по этому билету не пойду, но так хочется хотя бы подержать его дома…

4

Билет лежит у меня в белье. Почему-то захотелось спрятать его именно там. Конкурс активно идет, подписчики растут как на дрожжах. От мыслей, что кто-то пойдет в випку к Максу вместо меня, аж трясет. Соня дура, раз добровольно отказалась от него. И дважды дура, что решила разыграть. И все остальные — идиотки, раз на это согласились. А я самая круглая идиотка, что решила подыграть.

Целый день только и «сталкерю» все соцсети Макса, размышляя, какая дурочка выиграет этот билет… К слову, наша переписка с ним, из одного моего сообщения, пропала вовсе. Я даже заскринить не успела, на память.

На его новых фото — дорогие клубы и рестораны в центре Москвы. Мне на них даже смотреть неловко, не то что заходить. Хотя я иногда мечтаю, как захожу в тот же ресторан, где и он, сажусь за столик напротив, наши взгляды встречаются и… И мы трахаемся в туалете этого ресторана так жестко, что разбиваем пару раковин и бачок. Вода топит все здание, а может, даже не вода, а мои соки, которые и так каждый раз грозятся затопить комнату, когда я вижу очередную фотку Макса без футболки.

Было бы у меня нормальное платье и туфли. В моих вещах за бургерами только ходить. Может, и можно было что-то одолжить у Сони, но в ее ультра-слим вмещается только она

и семилетние дети. А у Оксаны с Тори гардероб еще хуже, чем мой.

В день розыгрыша я вся на нервах. Еще и Ким решила позвонить. Сама, без напоминаний. Всё это время я ее так же игнорировала, как и она меня. Но раз уж она одумалась, то так и быть, возьму трубку.

— Вашей супер-четверке выдали билеты, и вы разыгрываете лишний? — бурчит она в трубку. — Могла бы и подруге предложить сначала…

— Если бы, — рычу в ответ. — Билет один, и он Сонин. Она придумала эту хрень.

— Ни себе ни людям, да?

— Да! — буквально кричу. — Дура набитая, как обычно! Строит из себя такую душку, а на деле лицемерка! Она же знает, как я дорожу каждой минутой рядом с Максом! Но нет…

— Ладно-ладно, — смеется Ким. — Да, могла бы тебе его отдать, раз самой не нужен.

— Ты что… — падаю на диван и пялюсь в потолок. — Надо же из себя построить благодетельницу. Грехи папаши отмыть.

— Я в участницы записалась. Если бог рандома будет на моей стороне, то так и быть, билет твой.

Замираю на минуту, веки раскрываются все шире.

— Ким.

— Да?

— Ты победительница!

— Что?

— Ты победила, поздравляю! — Вскакиваю с дивана и бегу к компьютеру. — Билет уже у меня дома, так что можешь не утруждаться и не выходить из комнаты!

— Ты серьезно? Я выпала в рандомайзере?

— Сейчас выпадешь! — начинаю крутить колесо победителей до тех пор, пока не выпадет аккаунт Ким. Везет, не приходится тратить на это весь день, она появилась с пятой попытки. — Немного монтажа, подрежем и… — Выкладываю пост.

Ким смеется мне в трубку, и я вместе с ней.

5

Я набрала микрозаймов на одежду. Мать снова не дала денег, а идти на концерт, тем более в випку, в чем попало — это хуже, чем смерть. Лучше тогда вовсе не идти, чем в распродажной футболке бренда “Ноу Нейм”. Мама меня поймет, пусть и не сразу, и перекроет займы завтра же.

Пригодился и Барби-блеск Сони. Мои губы так маняще сияют, что парни в метро облизываются. Надеюсь, и Макс заметит. Должен, обязан заметить. Я изучила всех его бывших от и до, типаж понятен и ясен. И сегодня я — олицетворение этого типажа. Пуш-ап-лиф так давит, что грудь, кажется, собирается лопнуть. Но ему это нравится. Юбка такая короткая, что я даже сесть не могу. Но ему это тоже нравится. На шее чокер в стиле садо-мазо, браслеты с шипами, серьги-кольца. Я даже вставила фейковый пирсинг в нос. Ему это тоже нравится, но мать бы меня прибила за настоящий прокол. Сделаю потом, когда мы с Максом будем вместе, он и не заметит, что сейчас это фальшивка. Если, конечно, не захочет дернуть за сережку.

Для меня отдельный вход, открыт за час до всех остальных. Можно послушать саундчек, но меня он мало интересует, как и других «випов». Мы небольшой группкой идем прямиком за кулисы, в комнату для фанатов. На столе внутри лежит уже подписанный мерч: плакаты, футболки, открыт-

ки. Девушки рядом со мной — не конкурентки, даже не волнуюсь и не смотрю в их сторону. Сразу видно, что они безумные фанатки, стоят и визжат над постерами. Буду выше этого.

— Эй, — окликает меня одна из них. — А это не ты администа…

— Нет, — перебиваю ее.

С сегодняшнего дня не должно остаться ни одной фотки с моим лицом. Не хочу ругаться с Соней и остальными. Ким они не знают, а искать тайные связи не станут. Пусть думают, что на концерт пошла одна из подписчиц.

— А похожа. Конкурс там паленый был, говорят…

Молча закатываю глаза и отворачиваюсь. Пусть думает, что хочет. Конкурсы всегда порождают толпы обиженок, которые пытаются доказать нечестность. Плевать. Даже если в этот раз они действительно правы.

Оборачиваюсь обратно: фанатка ушла дальше рассматривать мерч. На секунду мне даже стало грустно. Когда-то давно, когда я только узнала о Максе, тоже часто участвовала в конкурсах на билеты, но ни разу не выигрывала. И тоже считала, что эти билеты просто забирают себе организаторы. Прикусываю щеки от досады. Ну, с другой стороны, это моя жизнь и моя судьба, и я не собираюсь уступать другим из-за какой-то «жалости».

Остальные участники группы Макса зашли к нам, принялись фотографироваться и дурачиться, но сам Макс не явил-

ся. Не новость, он не любит, когда из него делают какой-то экспонат. Мне бы тоже не нравилось, наверное.

Крики фанаток и постоянные вспышки немного раздражают, так что решаюсь выйти на саундчек. К удивлению, слышу голос Макса и, кажется, даже не фонограмму. Прибавляю шагу, практически бегу по темным коридорам к сцене.

Он там. Он и куча технического персонала, который носится вокруг него, как муравьи, расставляя декорации и свет. Раздавая приказы, как какой-то военачальник, Макс еще и распевается. Смотрится забавно: как отчитывают декораторов в стиле рэп, я еще не видела. Тихонечко замираю в уголке зала, недалеко от сцены.

Не могу оторвать от Макса взгляда. Музыка становится заметно тише, а читка сменяется на полноценное, очень глубокое, пение. Его темные волосы, горящие агатами глаза, атлетичное тело, татуировки. Макс двигается как бальник: резко, живо, но при этом безумно пластично. Голос ласкает уши, а сердце бьется быстрее. Персонала вокруг все меньше и меньше. Все реже он прерывает песню на замечания, пока и вовсе не перестает это делать. На сцене Макс остается один, прожекторы подсвечивают белоснежное лицо, темные ресницы сомкнуты. Я и не знала, что он умеет так петь, как поет сейчас. Если есть рай, то там вечно играет голос Макса.

Мы вдвоем в зале, мой персональный концерт. Первый. И, надеюсь, не последний. Закусываю губу, песня заставляет

тонуть в фантазиях, рука сама по себе тянется туда, куда тянуться не должна. Надеюсь, тень скрыла мою минутную слабость и покрасневшее лицо.

— В комнате для фанатов раздают автографы. — Музыка резко умолкает. — Если ты не в курсе.

Замираю от шока. Макс смотрит прямо на меня, лениво уперевшись рукой в стойку микрофона.

— Я знаю, — отвечаю тихо и киваю.

— А чего тогда тут тупишь?

Не эти слова хотелось сейчас от него услышать. Стою неподвижно, не веря своим ушам. Может, это не мне?

— Девочка в шлюшьем чокере! — громко говорит он в микрофон. — Уйди, пожалуйста.

Делаю неловкий шаг в сторону, стыдливо прикрыв чокер на шее руками.

— Как вы достали… — фыркает он.

Ухожу, даже убегаю. Музыка за спиной включается вновь, Макс продолжает репетировать один. Нет, это точно не мне. Наверняка где-то рядом, в тени, пряталась одна из фанаток, а я не заметила. Тут все в этих чокерах! Прохожу мимо фанатской и срываю украшение с шеи. Он действительно довольно вульгарный, но не настолько, чтобы назвать его “шлюшьим”. Эти слова точно не предназначались мне. Не могли.

В туалете сразу швыряю чокер в мусорку, поправляю макияж. Тоже, не очень-то и вульгарный. Точно такой же, как и у бывшей Макса: черный смоки с блесками. Чем больше

смотрю на себя, тем больше сомневаюсь. А что, если копировать бывшую — плохая идея? Все же, они не так давно расстались, и я только напомню о неприятном опыте.

Решаюсь смыть помаду и часть теней. Вода справляется плохо, так что натираю лицо мылом из диспенсера. Как бы кожа после него ни облезла. Тру активно, краска въелась, скребу ногтями — заживет. Лишь бы Макс заметил и оценил.

Девочки из фанатской разошлись, в зал начали заходить толпы. Кто-то уже пьян, кто-то обсуждает как будет слэмиться. Хочется быть поближе к сцене, но что-то внутри не дает сделать в её сторону и шага. Макса на ней еще нет, софиты потухли, в тени персонал расставляет последнюю аппаратуру. В випку не хочу идти вовсе, с танцпола вижу, что ничего интересного в ней не происходит, а находиться в одной комнате с орущими малолетками не хочу.

Народу все больше, не замечаю, как толпа оттесняет меня от сцены все дальше и дальше, пока я не оказываюсь практически у выхода. Снова. Лезть обратно не буду, почему-то не хочу. Макс с командой выходят, толпа визжит. Какая-то дура уже швырнула в него лифчик. Все знают, что Макса это бесит, каждое интервью просит так не делать... Но на концерте молчит, делает вид, что не заметил. Спасибо, что не в лицо прилетело. И спасибо, что не трусами. Узнать бы кто это сделал — глаза бы ей высосала.

Только сейчас замечаю, что каждая вторая в зале одета

так же, как и я. Стоило догадаться, что все умеют пользовать интернетом и анализировать чужие вкусы. Раньше я не задумывалась, как это может раздражать. Стоит Максу кого-то лайкнуть, так тьма девчонок начинают подражать, надеясь на внимание. Может, поэтому он был такой грубый?

Концерт проходит незаметно. Слоняюсь в самом конце, плутая по собственным мыслям. Не хочется танцевать и подпевать. Все же, хоть я и понимаю раздражение Макса, мне все равно обидно от его слов. Но уходить не буду, обещали афтепати, и все с вип-билетами приглашены. Редко такое бывает, глупо не пойти. Надежд я все же не теряю, хоть и обижена. Надеюсь, он тоже туда пойдет.

Концерт окончен, люди разошлись, и мы, все той же группкой, что и в самом начале, ждем бусик на улице. Холодно. Проклинаю эту юбку с топом. Ноги трясутся, как под отбойным молотком, еще и телефон сел.

— Девочки… — кто-то подходит сзади и довольно нагло кладет руку на мою талию. — Макса не будет. Если кто-то из вас его безумная фанатка, то ловить будет нечего.

Делаю шаг в сторону и убираю чужую руку от себя. Смотрю на парня как на сумасшедшего. Им оказывается соло-гитаристом группы Макса — Рим .

— Что, все остаются? — хмыкает он в сторону остальных. — Ну и отлично, поскакали, милашки!

Девочки смеются, а я не могу отойти от шока после его прикосновения. От мурашек передергивает. Ладно, если бы

это был Макс, но этот… Несмотря на легкий ступор, иду за остальными. Девочки хохочут, кто-то уже виснет на шее Рима.

Садимся в автобус, одна из девушек целуется с клавишником на задних сиденьях. Как быстро. Макса действительно нет. Даже не знаю, зачем я тогда вообще еду. Эта вечеринка будет явно не для меня, но… Ладно. Должен быть кто-то душный и грустный, для баланса.

Пока едем, размышляю, что через остальных участников можно выйти на Макса. Если я с ними подружусь или… От мыслей уже тошно. Но как факт, это шанс войти в круг его знакомых. Самый быстрый и короткий путь. Оборачиваюсь к остальным; пожалуй, подумаю еще над длинным и сложным путем.

До места доезжаем быстро — центр Москвы, дорогущий клуб, где нас уже ждет очередная персональная ложа, но, в отличие от концертной, эта должна быть с едой и закусками.

Самый лучший вечер в моей жизни превратился в самый ужасный. Может, это карма за «украденный» билет? Плюхаюсь на диванчик у стола, печально отпиваю коктейль, который поставили заранее. Коктейлей тут очень много, а еще больше — бутылок. Хоть какие-то плюсы. Где еще мне выпадет шанс попробовать Моёт и Cristal?

То, что происходит вокруг меня, — безумие. Гитарист уже облизал половину девушек, одной даже плюнул прямо на язык. Меня чуть не стошнило. Клавишник засунул паль-

цы в рот самой юной и уже порядком пьяной фанатке и, кажется, пытается сыграть какую-то симфонию прямо в ее горле. Хорошо, что на меня никто внимания не обращает.

Без телефона скучно невероятно, зарядки у персонала не оказалось на мой старый айфон, а спрашивать у этих, прерывая недооргию, как-то не хочется. Первая бутылка Cristal открыта и стоит на столе. Что ж, попробую и домой. Моёт ждать уж точно не буду, еще часик здесь — и придется психолога посещать. Лет так пять минимум.

Залпом выпиваю бокал. Ну и хрень. Не знаю, за что богачи тут платят, напоминает вино из разливухи, которое стоит сто рублей за пять литров. Вот бы прикарманить бутылку, чтобы мама тоже попробовала. Интересно, можно ли. Заметят ли?.. Ну, если что, просто поставлю. Все равно никогда с этими людьми больше не увижусь. И не хочу видеться. Переживу этот позор ради мамы! Хватаю бутылку под мышку и печально бреду к выходу. Спускаюсь по винтовой лестнице, какая же ужасная музыка в этом клубе. Эти басы еще долго будут бить по моим костям.

Выхожу на улицу и замираю прямо в дверях. В десятке метров машина Макса, и он сам уверенным и быстрым шагом идет сюда. Испаряюсь, как призрак, несусь обратно к ложе, теряя по пути бутылку. Она разбивается, шампанское обдает толпу брызгами, люди кричат, но не от досады, а от радости. Слышу еще несколько хлопков пробок — кажется, они принялись обливаться.

Плевать на них! Плевать на усталость, скуку и севший телефон! И на этих извращенцев тоже плевать, перетерплю, если рядом будет Макс. Даже поучаствую, если он захочет!

Забегаю обратно в комнатку, падаю на все тот же диванчик и стараюсь отдышаться как можно быстрее, чтобы не встречать кумира одышкой. Не проходит и минуты, как Макс тоже оказывается тут.

— Ты ж не хотел! — кричит гитарист, не отлипая от лица фанатки.

— Менеджеры заставили, — сухо отвечает Макс, пялясь в телефон.

Он садится прямо рядом со мной и, кажется, даже не замечает, что на диване не один. Из моего рта вылетает нервный кашель. Как всегда вовремя. И Макс все же меня замечает. Молчим и смотрим друг на друга дольше, чем нужно. Почему он так смотрит? Узнал? Если да, то лучше бы мне сейчас провалиться под землю.

Его телефон пищит, Макс, не сводя с меня взгляда, прикладывает телефон к уху и молчит. От него — лишь короткое “ага”, перед тем как сбросить звонок.

— Улыбнешься? — спрашивает он, и, не дожидаясь ответа, придвигается ко мне. — Для очередного поста нужно...

Не успеваю даже понять, чего он хочет, как Макс притягивает меня к себе и делает фото вместе. Как ловко он меняет лицо с раздраженного на счастливое. Я же на фото вышла испуганная, как лань, увидевшая охотника.

— Норм? — спрашивает Макс, повернув ко мне свой телефон.

Мои глаза округляются. Если это фото попадет в сеть, Соня и остальные узнают, что я украла билет:

— Нет-нет, стой!

— Да хорошо получилось, симпатичная, — Макс забирает телефон обратно, слышу звук отправленного сообщения. — Лови свою минуту славы.

Хочу визжать от восторга и в то же время рыдать в голос. Как я объясню это фан-клубу?! От досады выворачивается нижняя губа. Этого момента я ждала всю жизнь, но… Если бы не украденный билет, если бы не девочки.

— Ты чего? — хмурится Макс.

Не могу ему ответить, в горле застрял ком. Кошусь на бутылки на столе, а губы надуваются все сильнее. Чувствую, как слезы собираются на веках.

— Из-за фотки расстроилась? Серьезно?

Мотаю головой в ответ. Не могу переключить внимание на него, в мыслях только предстоящая ругань с Соней.

— Да ладно тебе! — Макс подсаживается ко мне ближе, практически обнимает одной рукой. — Глянь, уже две сотни лайков! А сколько завистливой желчи в комментах! Это означает, что ты красотка.

Перевожу свой щенячий взгляд на него. Мой идеальный мужчина в десяти сантиметрах, его рука на моем плече, он говорит, что я красивая. А я реву, как дура, вместо того что-

бы наслаждаться этим моментом.

— Из-за фоток, на моей памяти, еще никто не плакал. Только из-за отказа их сделать. Забавно, — Макс убирает телефон и поворачивает голову ко мне. — Удалить?

— Как хочешь… — бубню я.

Мне действительно все сейчас равно. Ее увидело достаточно людей, чтобы простого удаления было недостаточно. Наше селфи перезалито уже в тысячу фанатских аккаунтов. А мой телефон, если бы не сел, сейчас бы разрывался от звонков Сони, Оксаны и Тори.

Неожиданно Макс начинает хохотать:

— У меня тут случай был на прошлом концерте! Какая-то девчонка выскочила на сцену и запихнула в карман записку с текстом: «Хочу фото со звездой». Представляешь, кто-то ради фотки готов быть побит охраной. А ты из-за нее ревешь.

Он меня успокаивает? Не верю своим ушам. Льстит, что он запомнил мою выходку и радует, что не запомнил лицо.

— Почувствуй себя звездой! — продолжает он. — Хотя, может… Ты тоже знаменитость? Устала от папарацци? — Из меня вырывается легкий, искренний смех. — Сидишь тут, как гордая птица, отдельно от всех. Не твой уровень развлечений?

— Облизывать друг другу лица — это не развлечение, — отвечаю отстраненно.

— Эти девчонки, — Макс наклоняется к моему уху, отчего я вздрагиваю, — отдали бы очень многое за это «не раз-

влечение». — Он резко отстраняется со странной улыбкой. — А как ты предпочитаешь развлекаться?

Все мысли в голове перемешались. Не могу вспомнить ничего и придумать тоже. Не могу же я ответить, что мое хобби — следить за ним?

— Люблю экстрим… — отвечаю на выдохе. — На машине по городу гонять…

— Под километров триста? — в его голосе появляется огонек интереса.

— Не знаю, — улыбаюсь в ответ. — Под триста не пробовала.

Макс чуть косится на меня, затем на бутылки на столе. Выпустив мое чуть дрожащее тело из утешающих объятий, он принимается разливать шампанское по двум бокалам.

— Я должен тут просидеть еще минимум час. Иначе менеджеры мозги высосут. — Он протягивает мне бокал. — Потом до дома тебя подкину, если тоже захочешь свалить пораньше.

Смело беру бокал и улыбаюсь. А может, плевать на Соню, на Оксану и на Тори? Пошли бы они нахер, такой шанс выпадет раз в жизни. Хорошие подруги поймут, а не осудят. Сами бы они убили за возможность сейчас оказаться на моем месте.

— Хорошо! — стучу своим бокалом о бокал Макса.

— Надеюсь, что ты не безумная фанатка и не ведешь тайную съемку. — Макс широко улыбается, отпивая шампан-

ское.

Ох, я бы хотела сейчас все это снять. Но севший телефон не дает сорваться.

— Нет, конечно. Я только сегодня узнала о вашей группе.

— Да? — оценивающий взгляд скользит по моему телу, но в этот раз более внимательно. — Обычно так странно одеваются только мои психички-фанатки. Специально на интервью ляпнул, что люблю стиль садо-мазо, чтобы сумасшедших сразу отличать.

— Правда? — удивляюсь искренне. Я в ярости. Он сделал это специально? А фотки с бывшими в таких же нарядах? — Мне сказали, что такой стиль подходит под вашу музыку.

— Тебя жестоко обманули, — Макс ехидно смеется, приложив бокал к губам. — Но… — его глаза вновь смотрят на меня. — Тебе идет.

Бросаю довольную улыбку в ответ, чуть прикусываю губу. Он так быстро, от объективного раздражения, перешел к открытым комплиментам, что мне не по себе. Под столом щипаю себя за бедро, начинаю думать, что это сон. Нет, точно не сон. Взгляд Макса бегает по моему телу, как лучик солнца, оставляя настоящие ожоги. Нормально ли то, что я сейчас безумно хочу его? Нельзя подавать виду, нужно и дальше строить недотрогу. Ему это определенно нравится больше.

— Чем занимаешься по жизни? — спрашивает он, разливая новую порцию шампанского по бокалам.

Вопрос ставит в тупик. Скажу правду — подумает, что я

необразованная дура без амбиций. Соврать? Как? Сказать, что я блогер? Хотя мне кажется, в его окружении блогер каждая первая. Нужно удивить. Зацепить. Модель? Тоже чушь. Музыка? Рисование?

— Учусь на искусствоведа, — отвечаю с загадочной улыбкой. Только бы он не начал расспрашивать, мои знания об искусстве начинаются и заканчиваются на том, что Джоконда и Мона Лиза это одно и тоже. — Первый курс пока.

— Необычно. Может, когда-то именно ты спасешь искусство от деградации, — вздыхает он. — И дешевый рэп про понты и деньги сойдет на нет.

— Тебе не нравится твоя же музыка? — удивляюсь я.

— Нравится, но искусства в ней нет. Быстрый дофамин, ритмичный бас. Вряд ли она останется в истории. Я бы хотел выпускать что-то более сложное, но люди пока что не готовы.

Так вот что он пел тогда в зале. Та песня — его настоящие чувства и мысли. Не могу вспомнить ни строчки, все внимание было на его глазах.

— Хочешь послушать? То, что я пишу для себя.

— Прямо здесь?

— А почему нет? Оценишь как искусствовед.

— Давай. — Боже, дома надо хотя бы погуглить, чем занимаются искусствоведы.

Макс откидывается на спинку дивана и делает глубокий вдох.

Пускай вокруг любовь кладут на вес,

Меняют души на меха и платья.

А мне милей наш тихий стук сердец

И горечь губ в последнем поцелуе.

Именно это он пел на сцене. Вспоминаю мотив, последнюю строчку допеваю с ним хором и тут же крепко сжимаю губы.

— Откуда ты знаешь? — по-доброму усмехается он. — Я ее нигде раньше не исполнял. Мысли читаешь?

— Я не знаю… — теряюсь в словах от волнения. — Как-то само… Додумалось.

— Удивительно, — Макс протягивает мне полный бокал. — Откуда ты такая проницательная?

Бинго! Тихо смеюсь и прислоняю шампанское к губам:

— Сама не знаю, как меня сюда занесло…

— Судьба явно хотела, чтобы мы встретились.

— Я Саша, — сама не знаю зачем, но протягиваю ему руку.

Макс тут же берет мою ладонь и прислоняет тыльной стороной к губам. Буквально таю. Если бы не спинка дивана, то уплыла бы уже под стол.

Теперь он знает мое имя, лицо, голос. Сейчас бы сбежать, как Золушка, оставив интригу и пару загадок, но так не хочется уходить. Хочу, чтобы этот вечер никогда не кончался, а его губы никогда не отлипали от моей руки.

На диван с моей стороны буквально падает гитарист. Его липкие от вина руки тянутся к моим бедрам, хватают за край

юбки:

— Пойдем-пойдем, недотрога, — бурчит он невнятно и тащит меня за ногу в сторону. — Тебя не хватает!

Теряю дар речи от испуга. Черт, только сейчас понимаю, в какой ситуации находилась все это время. Одна! Все пьяны, никакой охраны нет. Если бы кому-то из команды сорвало бы крышу, я бы не смогла отбиться от этих двухметровых шкафов.

— Рим, — строго говорит Макс. — Отвали.

— Две зануды, — выпрямляется гитарист. — Оке-е-е… — странно хмыкнув, он уходит, чуть покачиваясь. — Ухожу! Но вернусь потом!

Сижу вся белая. Он ушел потому, что Макс сказал? А если бы я попросила отвалить, он бы тоже легко отстал?

— Не бойся, — тут же подхватывает Макс. — Они безобидные.

— И ужасно пьяные… — отвечаю чуть натянуто.

— Тебя никто не тронет. Если сама не захочешь.

Перевожу на него взгляд. Эта широкая улыбка — настоящее оружие. Его горячая рука касается моей. Наверное, никогда в жизни я себя не чувствовала такой защищенной, как сейчас. Его ладонь, украшенная десятком разных тату, стискивает мою. Пальцы сжимаются в ответ, щеки начинают гореть. Чувствую, как краснею, а в животе просыпаются бабочки. Никто бы не подумал, что Макс такой романтик. Всегда представляла, какой он дерзкий, в меру грубый и…

— Найди себя… — протягивает он мне телефон с открытым поиском по аккаунтам.

Я прямо сейчас готова упасть на колени и благодарить всех богов за то, что Макс удалил нашу переписку!

— Конечно, — улыбаюсь я, чуть дрожа от волнения.

Быстро нахожу себя и отправляю смайлик. Хочу визжать от восторга, но держусь.

— Алекса-а, — читает мой ник Макс. — Звучит дерзко.

Краснею еще сильнее, бабочки в животе не просто проснулись, они уже мотаются внутри меня так, что я не могу усидеть на месте. Скрещиваю ноги и прикусываю губу. Смазка сочится как из крана, как бы не испортить диван.

Кто-то включает музыку в колонках громче, девочки танцуют топлес, остальные участники группы настолько пьяны, что толком не стоят на ногах. Басы гремят, я больше не слышу, что говорит Макс. Свет глушат, мигает стробоскоп. Кажется, самое время уйти.

Макс тянет меня за руку к выходу, ему тут тоже теперь некомфортно. Быстро спускаемся по лестнице вниз, а затем выходим из клуба на улицу. Так светло и прохладно, ночь в центре будто и не наступает. Все окна горят, а машины носятся так же, как и в час пик.

— Я обещал тебя подвезти, но… — Макс снимает с себя кожаную куртку и накидывает на мои плечи. — Не обидишься, если это сделает таксист? Я забыл про еще кое-какие дела. — Он что-то набирает в телефоне.

Что ответить? Обижусь? Слишком нагло. Сказать, что я сама доеду, построить из себя независимую? Хотелось бы, но метро давно закрыто, а в таком виде по улице ночью я откровенно побаиваюсь.

— Нет, — улыбаюсь я.

— В следующий раз погоняем «под триста», — облизывает Макс губы.

Следующий раз. Следующий раз! Он уже думает о втором свидании? Я ему понравилась?

Пока я хлопаю глазами, не в силах оторвать восхищенного взгляда от Макса, подъезжает такси. Такси, на которое бы ушла вся мамина зарплата. Водитель в идеально выглаженном черном костюме выходит и открывает мне дверь с поклоном. С поклоном! Чувствую себя принцессой. Даже королевой.

Макс мне подмигивает и уходит, махая телефоном с намеком на скорый звонок, а затем скрывается в дверях клуба. Я остаюсь в его куртке. Забыл? Подарил? Мне следует побежать за ним?

Не решаюсь сделать и шагу, падая на кожаные сиденья такси. Двери закрываются, водитель садится на свое место, предлагает воду и зарядки для смартфонов. Зарядка!

— Благодарю, — отвечаю ему спокойно и беру нужную. Как хорошо, что у него тут «весь спектр», а не только для последних моделей.

Называю водителю адрес, машина трогается. Как только

телефон включается, динамик тут же начинает рвать звук уведомлений. Сотни сообщений и звонков от Сони, Оксаны и Тори. Молча смахиваю их в сторону и нажимаю на контакт Ким. Один гудок — и я слышу ее радостный крик.

— Ты не поверишь! — визжу ей в ответ.

6

Всю ночь я не могла уснуть. Не верила в то, что произошло. В личке висел непрочитанный смайлик, который я отправила самой себе с телефона Макса. Боюсь открывать. Его куртка лежит рядом на кровати, от аромата кружится голова. Сладкий, терпкий, чуть-чуть горький. Хочется замотаться в эту куртку или даже съесть её. Она так пропитана феромонами, что я с трудом держу себя в руках.

Вижу сообщения от Сони и остальных, продолжаю их смахивать. Думаю, и вовсе кинуть в чёрный список. Теперь ни они, ни их фан-клуб мне не нужен. Только Ким за меня рада. Обмениваемся тысячами голосовых сообщений. Она тоже никак не может поверить в то, что произошло вчера.

Безумно волнуюсь насчёт следующей встречи с Максом. Как мне одеться, как накраситься? Я ведь даже не спросила, что ему действительно нравится. Может, платья в пол, как у принцесс? Или толстовка с джинсами, а-ля «своя». Не знаю, как быть, от тревоги даже хочется расплакаться.

Под утро мама, ожидаемо, устроила скандал насчёт микрозаймов, но я мастерски его остановила, заявив, что решила учиться на искусствоведа. Даже уже присмотрела вуз и буду поступать этой осенью. Мама так обрадовалась, что забыла про потраченные полсотни тысяч на новую одежду. Осталось придумать, что ей сказать такого, чтобы она мне дала

денег ещё и на следующую встречу. О том, что я встречалась с Максом, рассказывать не решилась. Мама всегда осуждала моё увлечение «грязными наркоманами» и точно будет не рада, что мне всё же удалось добиться внимания Макса.

Она уходит на работу, а я начинаю ломать голову над тем, что делать дальше. Хочу, чтобы Макс предложил встретиться как можно скорее, но не раньше, чем я найду, в чём пойти.

За целый день он так и не написал. Точно не спит и, судя по всему, не особо занят. В сторис каждый час заливается фото или видео из очередного ресторана или кальянной. Мог бы и меня туда позвать. А позже замечаю, что из профиля пропало наше с ним совместное селфи. Может, баг? Если бы не сотня перезаливов, я бы засомневалась в том, что фото вообще было.

Вопрос с одеждой так и висит в воздухе. Бродим с Ким по торговому центру в поисках чего-то подходящего. Хотя денег у меня нет, но есть мамина кредитка, от которой я все равно не знаю пин-код. Зачем только взяла?

Проходя мимо люксовых бутиков, печально вздыхаю. Консультантки оттуда смотрят с открытой насмешкой. По мне видно, что зайти туда — не по карману.

— Если он заинтересовался тем, что ты искусствовед, — размышляет вслух Ким, — то нужно отталкиваться от этого. Никакой вульгарности, что-то достаточно яркое, но со вкусом.

Кусаю губы, засмотревшись на очередной сверхдорогой магазин какого-то японского дизайнера. Платье на одном из манекенов прямо то, что нужно. Облегающее, плотное, с высоким разрезом по бедру, но при этом довольно «повседневное» и закрытое. Без рукавов, шею обрамляет нежное кружево, что чуть-чуть напоминает ошейник с мини-замочком в центре. Останавливаюсь прямо напротив входа, задумавшись.

— А если не позовёт? — пинает меня в плечо Ким. — Переживёшь? Или онлайн-сталкинг превратится в реальный?

— Позовёт.

— Хочешь, спрошу, сколько оно стоит? — Ким кивком указывает на манекен с платьем.

Отвечаю таким же кивком. Не хочу заходить внутрь, чувствую себя не в своей тарелке в таких местах. Ким же вообще ничего не боится: однажды по ЦУМу разгуливала в драных, палёных кроссовках, всё трогала, общалась с персоналом. Мне было так стыдно за неё... И сейчас она себя так ведёт: не найдя ценник, вместо того чтобы поискать внимательнее, Ким кричит консультанту в полный голос. Отсюда вижу, как закатывает глаза сотрудница. По Ким тоже видно, что это платье — её целая зарплата.

Уходя, Ким машет консультантке рукой и улыбается. Хочу спрятаться за соседний куст в горшке, чтобы никто не понял, что я с ней...

— Двадцать тысяч, — вздыхает Ким, хватая меня под ру-

ку. — За кусок полиэстера, ха. Пусть ищут дурака.

Убила бы за этот кусок полиэстера... Может, взять его и потом просто вернуть. Если носить аккуратно, не срезав бирку. Вот позор будет, если Макс заметит.

— Поищем что-то подешевле, — говорит Ким. — Наверняка найдём. Да, не такое роскошное, но...

— Хочу это, — морщу подбородок. Печальный взгляд прилипает к манекену.

— Саш, двадцать тысяч... — закатывает глаза Ким. — Если ты своему рэперу действительно понравилась, то без разницы, в каком платье придёшь.

Плюхаюсь на скамейку прямо напротив бутика и дую губы. Что за чушь? Как это без разницы? Хотя это Ким, она никогда не понимала, почему обложка книги важнее содержания. Со стремной обложкой её не купят, даже если текст невероятно хорош!

— Сколько у тебя есть-то? — садится Ким рядом.

Качаю ногу на пятке. Сказать правду, что я не знаю, сколько денег на кредитке, и не уверена, что знаю пин-код? Не хочу слушать морали Ким, которые начнутся сразу, не успею даже договорить.

— Могу одолжить... Раз такое дело.

— Правда? — поворачиваю к Ким голову.

— Зарплата вчера была... И тут судьба подруги решается! Как я буду стоять в стороне.

— Спасибо, Ким!

Кидаюсь на неё с объятиями. Как же я её люблю! Ким единственная, кто меня понимает во всём этом мире. Стыдно, что всю прошлую неделю я на неё дулась и игнорировала.

— Только обещай, что вернёшь, — бурчит она в мое в плечо. — Сумма не маленькая.

— Конечно, отдам! — понятия не имею, как, но правда постараюсь. Может, устроюсь курьером на следующей неделе...

— Давай, всё же, ещё пройдёмся... — оборачивается Ким. — Магазинов впереди два этажа.

— Нет! — отвечаю категорично. — Это платье то, что нужно!

— Ладно... Может, ещё и не сядет по фигуре...

Ким встаёт, а я словно прилипла к скамейке. Мне всё ещё стыдно туда заходить, пусть даже теперь деньги на платье есть. Ещё более неловко идти вместе с Ким. Она же пять минут назад устроила там мини-цирк. Консультантки точно до сих пор смеются над ней за прилавком.

— Идёшь? — тянет ко мне руку Ким.

Придётся собрать весь свой стыд в кулак и пойти. Если я скажу, что хочу прийти туда позже, без неё, то денег мне не видать. Да и времени, может быть, уже нет. Вдруг Макс уже набирает сообщение с приглашением.

— Иду-иду...

Набираю полную грудь воздуха и иду следом за Ким, уставившись в потолок. Не хочу встречаться глазами с консуль-

тантками. А Ким будто в кайф позориться, так что пусть она и говорит, что мне нужно. Что она и делает.

Не произношу ни слова, Ким знает мой размер, и его уже несут со склада. Пока я стою в примерочной, колени дрожат. Слышу смех из зала: точно над нами. Хочется убежать, коленки трясутся. Смотрю на себя в зеркало, стоя в одном лишь белье. Даже по лифчику уже видно, что я бедная. Застиранный, с растянутыми лямками. Самой от себя тошно. Надеюсь, платье сядет с первой примерки и мне не придётся отдавать его обратно на склад. Умру со стыда, если после меня платье отправят в химчистку.

— Прошу! — Из-за шторы аккуратно высовывается рука с вешалкой.

Ткань такая гладкая и плотная. Пахнет какими-то дорогими духами. Даже платья здесь поливают духами дороже, чем мои... Стиснув зубы, одеваюсь, Ким помогает с молнией на спине.

— Если честно, то... — говорит она, странно косясь на зеркало. — Оно будто стоит этих двадцати.

Осматриваю себя внимательнее, выпрямляю спину. Село идеально, как вторая кожа. Поддерживает мой неидеально плоский живот, обтягивает ягодицы, «ошейник» с замочком смотрится как очень дорогое украшение, а не просто фурнитура.

— Лиф сними только, светится... — хмыкает Ким.

Избавляюсь от ненужной вещи, и дышать становится лег-

че. Он тут и не нужен, платье сшито так, что грудь стоит сама по себе, будто силиконовая. Провожу руками по черному полотну от плеч до бедер, невольно закусываю губу.

— Берём, — кивает Ким. — Даже мне крышу рвёт от вида, а уж твоему рэперу...

Не могу оторваться от зеркала. Ким права. Никогда в жизни я себя не чувствовала такой сексуальной, как сейчас. В дешёвых тряпках никогда такого не было.

Пока я никак не могу справиться со странным желанием трогать себя со всех сторон, Ким скрывается за шторой и шуршит в сумке.

— Опа... — хихикает она. — Смотри-ка, кто проснулся. — Протягивает она мой же телефон.

В уведомлениях висит «привет» от Макса.

7

Ветер вскидывает мои волосы, ночная прохлада скользит по коже ног. Ещё голые ветки деревьев скрипуче шуршат. На плечи давит тяжёлая куртка Макса, от запаха которой мне сносит голову. Платье плотно обтягивает тело, соски затвердели и просвечивают сквозь ткань. Замочек на шее дрожит от моего волнения. Редкие машины мелькают мимо, свет их фар — мигающий стробоскоп. В одном ухе наушник, шепчет случайные песни.

Стою среди высоких панелек, мусора и мини-магазинчиков у дома. Мой район, особенно в это время, — местечко жуткое. Я хотела соврать, что живу в центре, и успеть доехать до какого-то ЖК, чтобы Макс забрал меня оттуда, но он посмотрел адрес, куда меня отвезли в прошлый раз, в приложении такси, и я не успела придумать, как выкрутиться. Хотя сейчас думаю, что можно было сказать, что это адрес подруги. Надеюсь, он не развернётся, как только увидит местные улицы.

Делаю глубокий вдох, приятная тревога пробегает по телу, будто от чужого прикосновения. Кусаю губы в предвкушении. Не могу построить план, Макс не сказал ни куда поедем, ни что будет делать. Вот бы он сразу отвёз меня к себе, без прелюдий. От одних мыслей об этом всё внутри горит.

Прямо перед лицом появляется огромный букет. Лепест-

ки белоснежных пионов дрожат от прохладного ветерка, упаковка шуршит, мимо проносится очередной автомобиль.

— Привет.

Макс улыбается, протягивая мне цветы. Глаза его горят, отражая свет фонарей и фар, и внимательно меня изучают. Он смотрит пристально, не моргая. Непривычно такое внимание. Ему нравится?

Кокетливо смеюсь и забираю букет из рук Макса. Пионы в марте… Жаль, Ким не возьмёт их в качестве оплаты долга. Хотя я их и не отдам. Они будут стоять у меня в вазе, пока не рассыплются в прах.

— Будем стоять тут? — спрашивает Макс.

Чёрт, слишком долго молчу, даже не поздоровалась. Тут же поднимаю на него глаза и улыбаюсь:

— Если ты хочешь, можем и постоять.

— Ты сделаешь всё, что я захочу? — смеётся Макс.

— Да. — Вырывается само собой.

— Звучит интересно, — усмехается он и берёт меня под руку.

Стучу каблуками маминых туфель по асфальту. Они так жмут, что каждый шаг — как по стеклу. Но эти лаковые лодочки так подходят к платью, что я готова терпеть. Куда мы идём — совсем не важно, спрашивать не хочу и не буду. Доверюсь течению. Странно только, что он молчит и больше на меня не смотрит. Начать разговор первой? О чём?

Пока я размышляю, мы уже доходим до его машины. Я бы

не рисковала оставлять её так далеко. В этом районе люди дикие, от такой крутой тачки могут начать и куски отрывать.

Макс открывает мне дверь, забирает букет, швыряет его на заднее сиденье. Как только он садится сам, включается музыка. Басы долбят под креслом так, что оно начинает вибрировать. Тут же поправляю платье и сажусь чуть полубоком, чтобы эта вибрация не сорвала мне крышу раньше времени. Хотя я уже готова.

— Не против, если сегодня вечер у нас будет не тет-а-тет? — говорит Макс, наклонив рычаг передач. — Друг устраивает вечеринку, сильно расстроится, если я не явлюсь хотя бы на полчаса.

К другу на вечеринку. Он уже хочет познакомить меня со своими друзьями?

— Нет, — томно улыбаюсь.

Его уголки губ тоже довольно подскакивают вверх. Мотор рычит, Макс вдавливает педаль в пол. Мимо начинают быстро мелькать старые панельки и новые «муравейники», что выглядят ничуть не лучше панелек. Дворы, жуткие магазинчики, ещё более жуткие детские площадки, а потом пейзаж за окном сменяется на густой, тёмный лес. Не знаю этой дороги, и она точно ведёт не в центр. Едем минут пятнадцать молча.

— Не боишься? — Макс делает музыку чуть тише, мой зад наконец-то прекращает вибрировать.

— Чего? — переспрашиваю удивлённо.

— Ты едешь одна с каким-то незнакомым парнем, не зная куда… Эйртаг повесила на шею?

Как это одна? Почему с незнакомым? Не зная куда? Зная. К его друзьям.

— Не боюсь.

Макс косится на меня: сначала не сводит взгляда с моих глаз, а затем медленно спускается вниз, пока не замирает на голом колене, выглядывающем из разреза платья.

— Нравится? — кладу ногу на ногу, оголяя колено ещё больше, а затем провожу по нему ладонью.

Видела такое в фильмах. Надеюсь, со стороны это не выглядело глупо. Хотя плевать. Макс закусывает нижнюю губу и возвращает взгляд на дорогу, оставив вопрос без ответа. А что, если я прямо сейчас нырну к нему под руль, как в продолжении того фильма?

Игриво хохочу, роняя взгляд на его ширинку. Ответ на мой вопрос больше не требуется, он и так виден. Боже мой, у Макса на меня стояк! На меня!

— Представляйся сегодня Алексой, — Макс останавливает машину, колёса урчат. — И никому ни слова о настоящей себе!

Его указательный палец касается губ, колкая улыбка вновь заставляет моих бабочек шевелиться. Чёртово вибрирующее кресло! Я буквально на грани того, чтобы начать стонать.

— Ты даже не представляешь… — Макс достаёт что-то

чёрное из бардачка. — Как может испортить жизнь одна фотография папарацци.

— Поэтому ты удалил нашу фотку? — Беру из его рук маску-домино*.

— Одно дело — просто селфи с фанаткой. И совсем другое, когда я хочу эту фанатку увидеть ещё раз. — Макс демонстративно достаёт свой телефон из кармана и кладёт его в пустой подстаканник. — Оставим их тут?

Не хотелось бы класть свой рядом, просто потому что стыдно. Но тут же достаю его и кладу в тот же подстаканник. Мой старенький айфон накрывает смартфон Макса, будто бы прижимает к стенке сзади. Это даже немного эротично...

Аккуратно подмигнув мне, Макс выходит и, как джентльмен, помогает выйти из машины. Если бы не дом, светящийся всеми цветами радуги и музыкой, то я бы, наверное, задумалась о том, чтобы как можно быстрее свалить. Лесополоса, полузаброшенный СНТ, уличного освещения практически нет. Но при этом вокруг просто безумное количество дорогих тачек. И, судя по радостным крикам из светящегося дома, там правда вечеринка.

Надеваю маску, Макс берёт меня под руку:

— Ещё не поздно развернуться, — тихо смеётся он.

— Поздно. — Смотрю на него снизу вверх с лёгким прищуром и стискиваю его руку крепче, вжимая мужской локоть в свою грудь.

Прямо с порога нас встречает Рим. Он сидит в магазинной

тележке, которую толкают несколько девушек, и пьёт вермут прямо из горлышка бутылки. Меня обдаёт тёплым ветром и блестящими конфетти.

Дом огромный и набит гостями. На кухне кто-то прыгает на столе, пытаясь попутно пить энергетик из банки, но всё выливается мимо рта. Вокруг этого же стола носится парень в маске коня и дико ржёт. Следом за ним бегает девушка без футболки. В метре от кухни двое парней по очереди целуются с одной низкорослой девчонкой. На лестнице на второй этаж расселась компания с карточной игрой, на каждом из них смешной колпак, какие надевают на детские праздники. Клавишник из группы Макса, Ден, пытается о чём-то договориться с парнем у диджейского пульта, держа в руке трубку от кальяна. Что-то хлопает, меня снова обсыпает блестящим конфетти.

— Шалом! — кричит Рим Максу, снова проносясь мимо на тележке.

Макс успевает коротко пожать ему руку, пока того снова не укатывают в другую часть дома. Никогда не была на таких вечеринках, хоть и постоянно мечтала. Не знаю, что делать, глаза разбегаются: кругом море бутылок, стаканов, уже наполненных чем-то шотов и странная пыль, на которую я боюсь смотреть. В маске я тут не одна, замечаю ещё пару девчонок и парней в похожих. Узнаю несколько медийных ребят: пара блогеров, ещё десяток музыкантов. Удивительно, что никто из этой толпы не залипает в телефоны, не сни-

мает, не фотографирует. Похоже, что оставить смартфоны в машине — это не просто прихоть Макса, а реальное правило такой вечеринки. А если бы я отказалась, он бы заставил? Или отвёз обратно домой? Хорошо, что не стала мяться.

— Миледи, — Макс обходит меня сзади и аккуратно снимает с моих плеч свою же куртку.

Позволяю её скинуть, выпрямляя плечи. Как только тяжёлая ткань спадает, Макс приобнимает меня за таз, придвигает к себе и вдыхает прямо у уха. Столбенею, открыв рот. Так же резко он отстраняется от меня и кидает куртку куда-то ко входу. Оборачиваюсь к нему с глупой улыбкой. Это что было такое?

Тут же у лица появляется шот. Ни секунды на размышление — беру его и выпиваю залпом вместе с Максом.

— Какое платье! — кричит мне какая-то блондинка, пробегающая мимо вместе с Деном. — Купишь мне такое же?! — И хохочет, обращаясь уже к нему.

Только сейчас замечаю внимание окружающих к себе. Кто-то улыбается, кто-то шепчет, показывая пальцем. Им нравится? Я красивая? Судя по взгляду Макса — очень.

— Устроить тебе экскурсию или ну эти прилюдии в жопу? — Он снова протягивает шот, выпиваю его одним глотком и демонстративно кидаю пустую рюмку на пол.

Тепло от алкоголя быстро расползается по телу. Я так редко пью, что голова уже начинает кружиться. Музыка долбит, внимание льстит. Мне не кажется, правда, на меня смотрят

почти все. Я та самая девочка из фанфика, что своим приходом «испортила» остальным вечеринку. И не собираюсь останавливаться.

— В жопу! — кричу я Максу.

Он тащит меня глубже в дом, ближе к колонкам. Еще один шот. Как же быстро он их протягивает, но отказываться не собираюсь. В этом же суть этих тусовок? Не в настольных же играх, в конце концов! И в не разговорах на кухне! К слову, парень что прыгал на кухонном столе, уже его раздолбал и носится по дому со сломанной деревянной ножкой.

— Выглядишь невероятно, — Макс предлагает очередной шот.

Крики, крики, крики. Смех, гогот, музыка все громче. По телу гуляют цветные лучи, поднимаю руки кверху и плавно двигаю тазом в такт битам. Конфетти раздувает вентилятор, блёстки застревают в волосах. Мы общаемся с Максом без слов, лишь смехом и улыбками. Он прекрасно понимает, чего я хочу и сразу делает это.

Я такая пьяная, какой не была никогда. Уже готова прыгать в бассейн, если он тут есть. Ещё один шот, и мы уже танцуем вместе с Максом. Он жмётся ко мне так сильно, что я животом чувствую его крепкий член. Какой же он высокий, раньше я и не придавала этому значения. Что за широкоплечий гигант? С таким же гигантским членом? Он хоть в рот мне влезет?

Готова с кулаками кидаться на каждую девчонку, что слу-

чайно оказывается рядом. Он только мой. Но Макс на них и не смотрит. Его глаза не отлипают от меня ни на секунду. Как-то я упустила момент, когда его большой палец нырнул в мой рот и принялся массировать губы. Но и не собираюсь сопротивляться. Готова упасть на колени перед ним прямо сейчас.

Бас бъет в такт моего сердца. Люди вокруг стали лишь цветными пятнами. Перевернутая тележка валяется у выхода, пахнет явно не табаком, дым застилает потолок, цветные лучи летают среди них как лазеры.

Соображаю всё хуже, Макс резко разворачивает меня к себе спиной, упираюсь задом в его пах. Он такой твердый, будто там камень. Его палец давит мне на зубы, вынуждая открыть рот шире.

— Ты была такой милой, когда ласкала себя в тени у сцены… — шепчет он мне на ухо.

Раскрываю рот всё шире, взгляд туманится. Выгибаюсь, заглядывая в его горящие синие глаза. Холодное горлышко бутылки ложится на язык, какой-то ужасно сладкий напиток льётся по горлу. С трудом удаётся сглотнуть в такой позе, часть льётся мимо, течёт по шее, груди, животу, ногам. Бутылка падает на пол, давлюсь остатками жидкости. Шею крепко сдавливает горячая рука, и следом в рот проскальзывает чужой язык. Открываю глаза на секунду лишь для того, чтобы убедиться, что это Макс. И это он. Макс целует меня так страстно, что я дрожу. Как можно вложить столько же-

лания в один лишь поцелуй?

Его пальцы зарываются в мои тёмные волосы и стягивают их. Он вынуждает меня отстраниться, от моих губ к его тянется тонкая влажная ниточка. Хочу ещё. Снова стремлюсь к губам Макса, но он крепко держит меня за волосы, а затем и вовсе зажимает мой рот своим пальцем.

— Тебе нравится, как они смотрят? — Макс снова прижимает меня к себе, упираюсь носом в его плечо. Одной рукой он продолжает крепко держать меня за волосы, вторая же свободно гуляет по пояснице, иногда спускаясь к заду. — Завистливо… Жадно. — Буквально рычит он.

Они правда смотрят. Парни откровенно облизываются, позабыв вовсе про всех других женщин, и хотят лишь меня. Нравится ли мне это? Безумно. Готова кончить прямо сейчас от одних лишь этих мыслей.

— Но не получат, — шепчет Макс.

Его пальцы под платьем нащупывают тонкую верёвочку стринг и тянут вверх. И без того узкое бельё стягивается сильнее. Натянутое полотно проскальзывает по мокрому, даже сочащемуся лону. Я стону прямо в ухо Максу, не в силах сдержаться. Всё это слышали или только он? Язык Макса снова сплетается с моим, а рука дёргает за бельё ещё раз. Коленки дрожат, уже не просто стону, я кричу в полный голос от нахлынувшей волны оргазма. Я кончила. Без рук, без члена. От своего же белья. Такое вообще возможно?

Смотрю на Макса полузакрытыми глазами и с раскрытым

ртом.

— Ты такая хитрая врушка, да? — Он облизывает моё ухо. — Украла билетик у какой-то несчастной фанаточки. Ради меня?

Он всё знает. Откуда? Дрожу, не в силах придумать, что сказать, а ещё плавающие эндорфины в крови после оргазма и вовсе не дают думать.

— Скажи, что это всё ради меня… — Макс мне буквально подсказывает, что хочет услышать.

— Ради тебя. Тебя… — Дышу быстро.

— Что ты ещё сделаешь ради меня?

— Всё.

Его зубы такие белые, а улыбка такая сладкая. Он вновь ныряет к моему уху:

— Задание первое: никто не должен знать о том, что здесь было. Никто.

Киваю молча, Макс тут же кусает меня за шею, будто вампир. И приятно, и больно. Его мокрый язык скользит вверх, снова поцелуй, такой грубый и напористый, что я не могу больше стоять ровно. Висну на шее Макса, крепко схватившись за его футболку на плечах. Взглядом умоляю уже трахнуть меня, но он лишь ухмыляется:

— Когда докажешь, что сможешь молчать.

Хочу ответить что-то, но не могу придумать что. Макс затыкает мне рот поцелуем, освобождая от мук размышлений.

8. Макс

Сначала сломанная аппаратура, потом забухавший Ден. Если бы он не успел прокапаться накануне, то концерт пришлось бы переносить или отменять. Значит — терять деньги. Выгнал бы его нахер, если бы не контракт.

Ни минуты покоя. Даже сейчас, когда я специально послал всех в фанатскую раздавать автографы, побыть одному мне всё равно не удаётся. Девчонка прячется в тени и не сводит с меня взгляда. Забил бы на неё хрен, если бы она в это время не теребила у себя под юбкой. Реально думает, что её не видно? Или наоборот, хочет, чтобы я увидел?..

— В комнате для фанатов раздают автографы, — останавливаю музыку и кричу ей. — Если ты не в курсе.

Она так мило жмётся к стенке и закатывает глаза, что я не могу сосредоточиться на звуке.

— Я знаю, — мурчит она.

Мур-мур-мур, какая прелесть. Но не сейчас.

— А чего тогда тут тупишь? — намеренно делаю тон более грубым. Она замирает на месте и хлопает глазами. Не доходит? Ладно, чуть нахамим. — Девочка в шлюшьем чокере! Уйди, пожалуйста.

Она убегает. Надеюсь, не навсегда. Забавная.

Не планировал ехать на афтепати, но Рим сказал, что та

«бесстыжая лань» пошла вместе с ними. Неужели она сохнет не по мне? Судя по наряду — именно по мне! Но не отказалась ехать, узнав, что меня там не будет. Это действительно интересно.

Догоняю группу своим ходом, замечаю эти испуганные глазки у входа в клуб. Зачем ей бутылка? Она тоже меня замечает и... убегает? Хорошо, давай поиграем в догонялки.

По пути наверх замечаю разбитую бутылку «Кристалла». Какая растяпа...

Жмётся в уголу дивана, но сидит ровно, как королева на приёме. Так хочет казаться смелой. Её лицо слишком знакомо. Плюхаюсь рядом, скроллю ленту и жду реакции. Кашель — как глупо. Поворачиваю к ней голову и резко вспоминаю. Она. Та самая дикарка, что залезла на сцену и сунула мне бумажку в штаны. Какая прелесть. Её глаза невероятно большие, ресницы дрожат, губки разомкнулись. В кадре смотрелось бы потрясно.

Отвлекаюсь на звонок, но не отвожу от неё взгляда. Менеджер просит фото с фанаткой для отчёта. Какое удачное совпадение: сам хотел её сфотографировать...

Утро началось после полудня, чему я крайне рад. Не так часто получается выспаться с нашим графиком. Спасибо, что в последний месяц все концерты лишь по Москве, без ежедневных перелётов.

Соскучился по своей квартире, редко удаётся тут перено-

чевать. Москва большая, часто сплю в гостиницах поближе к концертным площадкам. Кофемашина уже шумит, курьер оставил завтрак у дверей.

Надкусываю сэндвич, глядя в окно. Двадцатый этаж, облака сегодня спустились низко, и кажется, что я попал в фильм «Мгла». Неплохая идея для ролика. Щупальца из тумана. Хотя это больше для озабоченных хентайщиков. Лучше забыть.

На столике рядом — папка с анкетами желающих поучаствовать в моём маленьком хобби. Обожаю вебкам-шоу. Не как зритель или актёр. Как режиссёр и сценарист. Но найти подходящих моделей, та ещё задача. Кто угодно меня не устраивает. Хочу, чтобы девушка не просто играла по сценарию и стонала по команде, а действительно получала удовольствие. Чтобы ей самой было интересно не столько удовлетворить меня или заработать денег, сколько устроить классное шоу. Искусство. Живое и чувственное. И чтобы умела молчать. С последним особенно тяжело.

Из-за группы, желающих сделать для меня «многое» уж слишком много. Но искренности в этом нет. Открытости в этом нет. Я для них — экспонат и понт для подружек. Дополнение к сторис, источник лайков. Пиявки. Хоть и красивые.

Лениво листаю анкеты — не цепляет ни одна. И все медийные. Зуб даю, если бы они знали, кто их приглашает, то «вакансия» давно бы стала достоянием интернета. О чём я думал, когда решил устроить такой открытый поиск? А если

бы кто-то вышел на меня? Конец карьере в момент... Мои же фанатки бы кожу с меня бы и сняли.

Швыряю папку в мусор, сам заваливаюсь на диван. Все сетки на автопостинге, наснимал на неделю-другую вперёд, так что сегодня посижу дома. Сообщение со смайликом, которое «лань» отправила самой себе, так и не прочитано. Тоже миленько. Судя по её аккаунту, девочка бедная, но очень уж рвётся к вершине. Админша моего фан-клуба. Опасно. Но никаких фото со вчерашнего вечера со мной она не выставила. Даже свою фотографию со мной не репостнула. Ещё и так расстроилась из-за неё. Нетипично для безумной фанатки. Либо же уровень её одержимости мной вышел на какой-то иной уровень...

9

Растрепанные волосы, растекшаяся тушь, платье липкое от вермута. Губы так зацелованы, что ноют до сих пор. Еще и колени стерты, упала прямо возле дома и не смогла встать из-за жмущих туфель, пришлось ползти на четвереньках. Ноги так и вовсе покрыты кровавыми мозолями.

Мать думает, что меня изнасиловали и все утро звонит по знакомым, решая что делать. Я молчу. Сказала лишь что никто меня не насиловал, но она не верит. Макс сказал молчать, значит буду молчать. Уж что-то, а держать язык за зубами я умею. Придумать бы, что соврать маме…

Хромаю в ванную, наступать на пятки больно. В зеркале себя не узнаю вовсе: какая-то грязная бомжиха. Платье не просто залито, оно порвано по швам. Когда это произошло? В магазин точно теперь не вернуть, как и деньги Ким. Неужели и вправду придется работать курьером.

Умываюсь, и в голову прилетает блестящая идея.

— Мам… — пищу жалобно, давлю слезы со всех сил.

Она прилетает на зов в секунду, прижав телефон, в котором бурчит мужской голос, к груди.

— Ты вспомнила что-то?

— Да… — трясу нижней губой, будто вот-вот расплачусь.

— Кто это был?! Когда?! Не тяни!

— Я не знаю кто, со спины подошли… — Намеренно на-

ступаю себе на мозоли, чтобы слезы были убедительней. — Я шла от Ким. А тут кто-то прыгнул, сумку хотели украсть! Я сопротивляться…

— Отдала бы эту сумку, Саша! Хрен бы был с этой сумкой!

— Там были деньги Ким! Вся её зарплата! Она попросила на карту ей положить по пути! — Так вживаюсь в роль, что начинаю плакать по настоящему, аж на взрыд. Упираюсь задом в край ванной и закрываю лицо руками. — Прости, мам! Я старалась отбиться, но они мне глаза перцем залили!

Мама медленно белеет. Жалко меня, или поняла, что мы еще глубже уходим в минус?

— Саша. Са-ша-а. Ты что говоришь?! Какой прости?

Она подходит ближе и крепко обнимает мою голову.

– Что ты такое несешь?! Слава Богу, что ты жива осталась!

— Не-ет… — хнычу тише. — Там двадцать тысяч было…

— Отдадим. Ничего страшного. Главное, что ты целая! Деньги эти… Мелочи. Заработаем.

Пока мама продолжает втискивать мою голову в свою грудь, я улыбаюсь. Две проблемы одним махом. Больше не нужно писать заявление, и мама отдаст Ким долг. Какая же я умная!

Вместе с букетом, я оставила в машине Макса и свой телефон. Мама ушла, через нее сообщения не проверить, да и не сильно хочется мне входить в свои аккаунты на её устрой-

стве. Мало ли, сохранится еще что-то случайно. Компьютера у нас нет, запасных смартфонов тоже. Так хочу посмотреть, написал ли мне Макс… Не могу усидеть на месте, хоть к соседям стучись.

Решаю пойти на авось к Ким. Вдруг она окажется дома и соизволит открыть мне по старому-доброму звонку в дверь, а не в мессенджере.

Путь длинный, на проезд денег нет, так что иду пешком. Дом Ким не очень далеко, если по прямой, но, к сожалению, для пешеходов этой «прямой» нет. Либо обход в несколько километров вокруг новой развязки, либо через огромный ТЦ насквозь. Если бы не гудящие ступни, я бы лучше пошла вокруг, но сейчас — нет. Надеюсь не встречу никого из фан-клуба. Оксана работает там в одном из отделов, но его я просто обойду, на всякий случай. И иногда к ней на обед приходит Тори, но и тут все ясно, они точно будут сидеть на фуд-корте, который я тоже обогну.

Походка у меня крайне косолапая, быстро идти не получается. Прячусь в капюшон куртки на всякий случай. Мало ли, Тори с Оксаной решат сменить маршрут с фуд-корта на куда-то еще.

На одном из рекламных постеров вижу очередной предстоящий концерт Макса. Интересно, он пришлет мне билет или нужно опять искать деньги? Не хочу у него ничего просить, подумает еще что я меркантильная или, что еще хуже… Узнает, что я бедная. Мой старый айфон я могу оправдать

любовью к классике и, думаю, он поверит. Звучит крайне правдоподобно, сейчас некоторые вообще к раскладушкам возвращаются.

— Стоять! — писклявый голос Сони я распознаю из тысячи. — Саша! Стой!

Блин-блин-блин. С какой она хоть стороны? Тут такая акустика, что мне кажется Сони четыре. Решаю просто прибавить шагу, притворившись не собой. Не слышу, не знаю. Саша — не я.

План был бы хорош, если бы Соня, в итоге, не стояла впереди.

— Саша, блин! — топает она своей микро-ножкой. — Мы думали, что с тобой что-то случилось! Почему ты не брала трубку?

Ее голос такой злой, что мне действительно страшно. Интересно, её отец заставит меня отрабатывать стоимость билета в випку?

— Да почему ты молчишь?! Почему не отвечала эти три дня?! Я тебе миллион сообщений отправила!

Странно, но пока ни слова про билет, только про меня. Ну и что ей на это ответить ответить?

— Неужели сложно было отправить пару слов о том, что все хорошо? Я когда это твое фото с Максом увидела, думала в стратосферу улечу от радости! А потом ты пропала! Куда?! Знаешь как Оксана с Тори переживают!

От радости? Чему это она рада.

— Я телефон потеряла. — И ложь и правда. Не буду говорить, когда именно.

— И что? За три дня не додумалась позвонить с чужого?!

— Я не знаю ваших номеров наизусть.

— Ники же знаешь, могла найти!

— Как-то в голову не пришло. Я думала куплю и напишу…

— Ах, Саша. И когда ты собиралась его покупать?

— Как заработаю, — жму плечами. — Вот как раз, иду искать вакансии.

Соня раздраженно скрещивает руки на груди и дует свои огромные губы.

— Ну ты совсем… Все деньги на вип-билет потратила чтоли?

Резко поднимаю на неё взгляд? Серьезно? Они втроем не смогли сложить А и Б? Думают, что я купила еще один билет?

— Да, в самый последний момент взяла… В микрозайм влезть пришлось.

— Ну ты больная, Саша…

— За то… — отвожу взгляд в сторону. — У меня есть селфи с Максом.

— И нет телефона, на заставку которого можно поставить это селфи, да? — Она берет меня за руку и отводит до ближайшей лавочки.

— Есть такое, — грустно вздыхаю, присаживаясь рядом.

— Блин… — фыркает она. — Мне очень интересно, что там было с тобой, но правда нет времени! Позвони вечером, ок?

— Если телефоном обзаведусь.

— Ах, Са-ша! — хмурится Соня и бегло осматривается. — Ладно. Я хотела его продать, новый еще совсем. — Из сумки она достает свой последний айфон. — Я там чуть камеру подразбила, и цвет мне разонравился. Могу пока тебе отдать, пока ты там на свой собственный зарабатываешь. Но потом верни, хорошо? Я папе сказала, что в ремонт его понесу…

— А вместо ремонта…?

— Купила еще один, блин! Ремонт стоит как половина нового. Да и, как я уже сказала, цвет не нравится. Потом битый просто продам и разница выйдет не такая ощутимая. Папа даже не поймет.

Хитрые схемы богачей. Для ее отца что десять тысяч, что сто — суммы не ощутимые, но за каждый рубль все равно давится.

— Спасибо большое, Сонь… — Телефон беру, он мне действительно нужен. Тем более такой. Скол не заметный, а цвет мне не важен. Максу скажу, что то старье в его машине — звонилка для поездок, якобы, долго заряд держит.

— Не за что, — фыркает Соня недовольно. — Ты билет победительнице передать успела? Она пошла?

— Да, мы были вместе.

— Прикольная девчонка? На фотках в профиле такая интересная, а-ля азиатояка.

— Зануда страшная, — вздыхаю. — Мы только перед концертом вместе потусили, потом разошлись. Не знаю, куда она делась.

— Оу, жаль… Но все равно надо будет попросить её прислать пару своих фото с концерта, а то многие не верят, что конкурс был настоящий…

— Да, надо будет.

— Ладно, — резко вскакивает она с места. — Меня такси уже пятнадцать минут ждет. Пойду. — Соня кидается на меня с объятиями и целует в щеку. — Обязательно позвони Оксане с Тори! И мне!

— Конечно! — Кричу ей в след, а затем сразу вытираю щеку. Помады Сони вечно такие липкие.

Соня медленно исчезает на эскалаторе, а я остаюсь стоять с её старым айфоном в руках. Неужели в моей жизни начинается белая полоса?

Телефон оказался не сброшен, пинкод я знаю. Сразу же захожу во все свои аккаунты. Сообщения Сони отмечаю прочитанными, нужды на них отвечать больше нет, что радует. Остается разобраться с Оксаной с Тори. Но это потом. Пара сообщений от Ким, с вопросами о том, как дела и всё ли хорошо. Интересно, а смогу ли я рассказать всё ей? Она точно не понесет сплетни дальше, но вот может начать читать нотации, что я поступила очень легкомысленно. Подумаю над

этим по пути к ней.

От Макса ничего. Это тревожит, но пытаюсь себя успокоить. Возможно, спит. Домой меня увозил, вроде, таксист, или какой-то друг Макса. Точно не он сам, я это хорошо помню. Может, после моего ухода они все продолжали веселиться? На этой мысли что-то внутри неприятно начинает тянуть. А что если, он там дальше тусил с другими девочками? Или они лезли к нему? Закипаю в секунду и чуть не швыряю телефон в пол. Вовремя останавливаюсь. Он Сонин, а не мой. Оставим такие яркие поступки до тех времен, когда я разбогатею и куплю себе личных штук десять.

Думаю, может написать Максу первой, но тут же сметаю эту мысль в сторону. Не хочу показаться навязчивой. Запостить сторис с намеком? Нет, точно нет. Он сказал молчать, хрен знает, какой жест Макс может считать как нарушение. Буду молчать и всё.

Резко теряю смысл того, чтобы идти к Ким, тем более с моими ногами. Позвоню из дома, без лишних ушей и в покое.

Пока иду домой, снова прохожу мимо того самого бутика, где мы купили платье. Первое: мое — испорчено. Второе: приходить на следующее свидание в том же платье — стыдно. Нужно другое, но на какие деньги… Айфон в руках будто сам намекает, откуда можно взять деньги, но тут же гоню эту мысль прочь. Как бы Соня меня не раздражала, сейчас она мне очень помогла и продавать её вещь — через чур.

Очередной займ или кредит мать мне не простит. Слишком много за последний месяц. Еще и Ким нужно вернуть за платье. Мысленно кричу и рву на себе волосы. Ну как так? Почему?! Хоть сама шей! Или воруй…

Грустно бреду по улицам обратно домой. Есть еще хочется. Я вчера ничего кроме этих шотов в желудок и не попало. Можно шоты назвать едой? Там же есть калории. Дома только макароны и сосиски, от которых меня уже тошнит.

Пялюсь в телефон; в сторисах Макса появляются фотографии с завтрака в ресторане. Скорее всего это отложка, слишком свежо он выглядит, но все равно обидно. Может, намекнуть? Вроде, в том, чтобы сходить куда-то поесть нет ничего такого меркантильного… Парни часто угощают девушек и просто так. Ставлю на фотку с завтраком «огонек». Не поймет — ладно, но лучше бы понял.

Пока жду ответ, уже добираюсь до дома. Плюхаюсь на кровать и вытягиваю уставшие ноги. Будь прокляты эти туфли! Набираю Ким, она берет моментально, я не услышала ни единого гудка.

— Ты жива! — кричит Ким.

— Почему все вокруг думают, что со мной что-то случилось?

— Потому что твой Максим не вызывает никакого доверия! Это первое! Второе: как ты с ним, так ты не на связи.

— Не хочу его пугать телефоном… — бурчу печально. Всей правды Ким лучше не знать.

— Какой нежный! Нормальный парень поймет, что за тебя волнуются и ты хочешь держать родных вкурсе.

Не знаю, что ответить, так что просто молчу.

— Ладно… — Вздыхает Ким. — Что было то? Куда ездили.

От воспоминаний в миг краснею и начинаю кусать губы. Хохот сам собой рвется из груди. Не могу подобрать слов, чтобы рассказать все Ким, да и не знаю, что можно ей рассказать.

— Ну… — Накручиваю волосы на палец от волнения. — Мы ездили на вечеринку…

— И?…

— И он меня поцеловал!

— Вот так быстро? И ты позволила?

— А потом… Я не знаю, он что-то такое сделал, мы были так пьяны и. Не знаю, как, но вот…

— Вы переспали?!

— Нет, но… — делаю глубокий вдох. — Но я кончила представляешь.

Недолгое молчание. Ким странно дышит в трубку.

— Чего? Кончила?

— Он что-то как-то дернул, нажал и… Я сама не поняла.

— У вас был секс?

— Да нет, Ким, Боже мой! Не было!

— Тогда я нихрена не понимаю.

— Я тоже! Просто он такой… Такой… К меня от одного

его запаха крышу сносит. Я на что угодно готова! Вообще не всё, понимаешь? Земля из под ног уходит…

— Ладно-ладно. Он такой. Я поняла. Слушай… Извини, что ломаю такой момент, но у меня за квартиру просят раньше отдать.

— Блин, — подрываюсь с кровати. — Насколько раньше?

— Когда ты сможешь отдать? Хотя бы половину, я там уж выкручусь.

Замолкаю. Хрен знает когда я смогу отдать. Мама про это не сказала, но вряд ли скоро. Зарплату ей только давали и она закрыла ей мой микрозайм.

— Возьми пару смен курьером. Или, не знаю. Попроси у своего рэпера.

— Нет… — От стресса мотаю список приложений на телефоне туда-сюда. Соня так любит игры три-в-ряд. Как же их много… Среди десятка одинаковых приложений замечаю иконку банка.

— Он в своих треках постоянно поет, о том как «закрыл это сучке все счета»… — смеется Ким. — Почему бы и тебе не воспользоваться благами?

Слушаю её в полуха и кусаю щеки изнутри. Просто, хочу посмотреть, не вышла ли Соня из своего кабинета в банке. Не вышла, но стоит пароль. Сама не знаю зачем, но пробую ввести тот же пинкод, что стоит на блокировке экрана. Загрузка…

— Чего замолчала-то? — бурчит Ким.

Смотрю на цифру, равняющуюся годовому окладу моей мамы. И это не вклад и не накопительный счет. Просто деньги на карточке. От зависти хочется плакать. Деньги так близко, но так далеко…

— Я постараюсь что-то придумать, — отвечаю Ким и закрываю банк.

10. Макс

Пора бы уже привыкнуть к этим прожекторам, суете и гримерше, тыкающей кисточкой прямо в глаза, но я не могу. Каждый раз испытываю такое отвращение, что сводит зубы. Риму с Деном же, наоборот, очень даже нравится, судя по их улыбкам от начала до конца.

Очередное интервью о хер знает чем, от хер знает кого. Оператор дает отмашку и парень напротив меня — ведущий — закидывает ноги на стол. Почему они всегда косят под «своих ребят» на «вечном кайфе». Безвкусица. Вот бы сегодня он меня заигнорил и расспрашивал только Рима с Деном. Они очень уж рвутся поговорить, в отличие от меня.

Вопросы этого недо-Соседова* совсем никак не касаются музыки, волнует его только грязное белье.

— Секс втроем был? — Спрашивает с таким лицом, будто это жизненно важная информация.

— Между нами тремя? — смеется Рим и пинает в плечо Дена. — Ментально — каждый день.

Смеюсь вместе со всеми, из образа выходить нельзя. Но шутка тупейшая. Улыбаюсь ведущему, а он мне. Зря я это сделал.

— Макс, знаю, как ты это не любишь, но я должен спросить.

Только не о Вике.

— Вика.

Блять.

— Твоя бывшая девушка записала очень душераздирающее видео о том, как на самом деле строилась ваша совместная жизнь. Что ты обращался с ней крайне… неприемлемо.

— Вика очень хорошая девушка, добрая, красивая. Я не могу сказать о ней ничего плохого. Только пожелать удачи в дальнейшей жизни, и всё.

— Но её слова ты не опровергаешь?

— Я не знаю, как на них реагировать. Я могу, конечно, одеть извинительную водолазку рассказать свою версию событий, но не вижу в этом смысла. Но это будут лишь слова. Отвечу сейчас лишь так: у нее очень уж бурная фантазия.

— То есть к участию в секс-вечеринках ты её не принуждал?

— Что это за вечеринка, где кого-то принуждают? — подхватывает Рим. — Вечеринка — это когда всем весело!

Тема Вики и её «разоблачения» для меня слишком тяжелая. После того как она публично назвала меня «вербовщиком вебкамщиц», я собирался хоронить свою карьеру и бежать из страны. Но ей, будто, никто не поверил. Удивительно, но даже когда она слила кадры из нашего «домашнего», чтобы доказать свои слова, большая часть толпы все равно оказалась на моей стороне. В конце концов, Вика действительно сама согласилась в этом сниматься. Я её не заставлял, и на том ролике это прекрасно заметно. Слить все остальное

после такой реакции общества ей не хватило духу. А я — просто молчу, и желаю ей удачи в дальнейшем. Кто спокоен, тот и прав. Викины слезы и истерики только топят её саму глубже.

— Слушай, а вот если не музыка! — Ведущий резко меняет тему. Понял, что скандал не раздуть. — Чем бы ты занимался?

— Режиссурой, — отвечаю быстро и честно.

— Бля, да! — неожиданно встревает Ден. — Кароче, Макс у нас вообще лютый в этом плане. Камеры, ракурсы, пленки… То сам свет выставляет.

— А раз в фотографа бутылкой кинул за то, что тот не с той стороны снимал! — ржет Рим.

— Правда? Настолько серьезно к этому относишься? — удивляется интервьюер.

Не успеваю ответить, да и не хочу. Ден рассказывает вместо меня:

— Клипы, бля, чел. Клипы — это вот все он сам всегда придумывает, ищет исполнителей… Я в ахуе, как он это делает, бро...

Не забываю про образ и корчу довольное лицо. Сейчас захлебнусь в лести. Клипы. Ради клипов я пришел в музыку. И при съемке очередного, меня заметил один из первых продюсеров, пригласив в группу. Не знаю, жалею ли о том, что согласился. Мне тошно от того, что я делаю сейчас. Недо-попса. Но все равно стараюсь отдаваться полностью, с душой.

Пусть и скрепя зубами.

— Родители верили в ваш успех? — очередной вопрос от ведущего.

— Моя матушка — самая лучшая женщина в мире! — снова вступает Рим. — Вот всё, что можно было продать, она продала, чтобы помочь мне взобраться на этот олимп!

Я бы постеснялся такое рассказывать. Разорил собственную мать ради призрачного шанса стать знаменитостью. Риму, конечно, повезло, ведь ставка сыграла, и он сейчас здесь. Но все равно дико.

Со своей родней я слишком давно не общался. Хочу, но не могу вырваться из этого графика. Живут они на другом краю России и наотрез отказываются переезжать. Хотя в глубине души я и не хочу, чтобы они переезжали. Как только расстояние между нами стало превышать несколько тысяч километров, отношения стали гораздо теплее.

— А я, блять, волк, — хмыкает Ден. — Одинокий. Наш продюсер — моя мама и папа! — А затем громко ржет.

В кармане жужжит телефон, неужели моя «лань» проснулась? Посмотреть сейчас не выйдет, но от любопытства распирает. Казалось, мы так мало знакомы, но я уже скучаю по её большим, умоляющим глазкам. Податливому телу, наивной и глупой лжи без причины. Обычно от таких хочется бежать, сверкая пятками, но с Алексой — нет. Она настолько обаятельна в своих мелких приукрашиваниях, что я таю, как мальчишка. Не чувствуется в ней глупых понтов, скорее

лишь желание понравиться.

Пока я копошусь в своих мыслях, успеваю подыгрывать интервьюеру: смеяться как конь, хлопая себя по колену, пинать Дена с Римом, закатывать глаза. Шоу заканчивается быстрее, чем я думал. Плохо подготовились, вопросов мало, и они пустые. Но, не расстраиваюсь, так даже лучше.

Как только камера выключается, достаю телефон. В уведомлениях весит “огонек” от Алексы. Многозначненько.

11

Следующая цель на моем пути искупления — Оксана и Тори. Как только я перестала прокручивать в голове, как они вдвоем будут отчитывать меня за присвоенный пригласительный, начала ловить себя на мысли, что скучаю. Обычно мы списывались почти каждый день, а виделись — через день.

Они уже давно ждут на фудкорте торгового центра и сразу начинают активно махать, как только видят меня. Почему-то мне ужасно стыдно и неловко. Они даже не подозревают, какую подлость я умудрилась выкинуть. Если бы Оксана такое сделала, я бы её стулом избила. А Тори бы с балкона скинула! И я бы уж точно не подумала, что они «купили билет». Чувствую себя ужасно... И подумать не могла, что совесть умеет так больно кусаться.

Макс на мой «огонь» так и не ответил. И не прочитал... От этого еще более грустно.

Не успеваю сесть на стул, как Оксана уже начинает кидаться вопросами:

— Как это случилось? Как вы встретились? Где? Он сам предложил?..

— Ты теперь наш кумир! — подключается Тори. — Фото с Максом — это капец какой трофей! Он же вообще с фанатами не...

Еще пару вопросов — и я расплачусь. Зачем я вообще пришла? Что за день такой! Почему я чувствую себя таким дерьмом...

— Девочки... — бурчу.

— Он, типа, к тебе подошел? Чем ты таким зацепила? Мы тоже хотим! — в голос, как по бумажке, говорят они.

Рыдаю. Просто рыдаю и не могу остановиться. Я не человек, а кусок говна. Столько концертов мы посетили вместе. Сколько раз они выручали меня деньгами и даже не просили отдать. Оксана мне подарила столько мерча, на сколько я до конца жизни не заработаю. А я... Чертова випка!

— Простите меня... — еле выговариваю слова. — Простите, пожалуйста!

— Эй, ты чего? — тут Оксана придвигается ко мне ближе. — Сашка, что случилось? Рассказывай!

Тори шумно тянет кофе из трубочки. Кажется, она всё поняла.

— Я не отдала билет победительнице... Я прошла по нему сама...

Оксана резко меняется в лице, а Тори одним махом допивает остатки кофе, опустив глаза. Она будто и так догадывалась, но никому не говорила.

Эти их переглядывания сводят с ума. Ком в горле такого размера, что я даже звука не могу выдавить.

— Ну... — тянет Тори.

— Зато ты сделала фотку с Максом! — тут же подхваты-

вает Оксана. — Если для того, чтобы моя подруга получила фото с кумиром, нужно обмануть подписчиков, то я готова!

Резко поднимаю на неё глаза:

— Правда?

— Ну конечно! А ты бы так не сделала? — хихикает она.

Тори молча кивает.

— Саш, это же мечта каждой из нас! Глядишь, Макс тебя запомнил и на следующем концерте и нам всем разрешит сфоткаться!

— Меня больше волнует, почему он её в итоге удалил... — хмыкает Тори, отодвигая пустой стакан. — Да и у тебя там такое лицо было, будто призрака увидела.

— Просто очень... — утираю слезы рукавами. — Неожиданно было. Даже мгновения на подумать не было.

— Испугалась, что ли? — смеется Тори. — Ну ты даешь. Я бы визжала от счастья!

Мое настроение резко меняется. Просто безумно хочу поделиться с ними, что было дальше, но нельзя. Нельзя! Плотно сжимаю губы, чтобы ни одного лишнего словечка точно не вырвалось.

— Так и что, больше ничего? Просто сфотографировался с тобой, и всё? Разошлись? — спрашивает Оксана.

— Да, — отвечаю сквозь зубы. — Там все такие пьяные были, что я буквально сразу после этого ушла. И всё.

— Ну ты даешь... — вздыхает Тори.

— Грустно. А я себе уже нафантазировала... — печально

опускает глаза Оксана.

Интересно, что? Спрашивать не буду, вдруг еще угадает, и я тогда точно не удержу язык за зубами.

Пока Оксана с Тори обсуждают мою «выходку», я не могу усидеть на месте. Такой их реакции я точно не могла предсказать. Очень приятно, что они поняли меня, а не стали осуждать. Хочется сделать что-то хорошее в ответ, чтобы уж точно моя совесть успокоилась, но не знаю, что. Вот бы подарить им билеты на концерт, но у меня-то и для себя нет возможности их достать.

Телефон в сумке странно урчит, будто что-то пришло на почту. Достаю его — и действительно, на почту пришло письмо. Заголовок гласит о скором концерте Макса, отчего я вновь грущу. Странно только, что отправитель — не привычная «афиша», а какая-то личная почта.

Открываю письмо и чуть не роняю глаза на пол. В прикрепленных файлах пригласительный за кулисы и несколько билетов на танцпол. Бог меня услышал? Или это баг? Тут же скачиваю все файлы, вдруг еще, магическим образом, удалятся. Сразу думаю на Макса, но откуда он знает мою почту? Я её только для подписок использую.

— Девочки, — говорю громко и кладу телефон на стол.

— Это Сонин? — тут же подмечает Тори.

— Мне, как представительнице самого крупного фан-клуба, только что прислали четыре пригласительных на следующий концерт!

— Серьезно?! — радостно кричат они в один голос. — Не может быть!

— Может! — довольно улыбаюсь.

— Да ну! — Тори берет телефон со стола и смотрит на уже открытый файл билета. — За эти три года ни разу ничего не присылали, даже на розыгрыши!...

Оксана закрыла широко раскрытый рот ладонью и хлопает ресницами. Следом и Тори кладет телефон обратно и улыбается. Так приятно видеть их радостные лица! Уж не знаю, кто этот благодетель, но надеюсь, что это Макс, а не кто-то просто ошибся почтой. Если билеты придется вернуть, или мы не успеем по ним пройти — я из окошка выпрыгну от стыда.

— Ура! — Оксана хватает мою руку и руку Тори. — Ура-ура, девочки!

— Наконец-то! — подхватывает ее ликование Тори.

Я же просто улыбаюсь, заливаясь краской.

12

Про пропуск за кулисы я умолчала. Он всё равно один, зачем расстраивать девочек? Ещё бы начали из-за этого догадываться о чем-то. Один из билетов я продала и отдала Ким часть долга. Музыка Макса ей всё равно не нравится, и на концерты она ходила только ради меня, когда никто из девчонок не мог. Хоть мы с ними и «фанатки», ходить на каждый концерт по карману только Соне. Но и она не всегда может: то улетает куда-то, то не успевает, то ещё что-то. Только я стараюсь быть на каждом.

Оделась я сегодня просто — так и не смогла найти деньги на что-то стоящее. Да и это не свидание, а концерт. Хочу ещё попрыгать и потанцевать, а в платье это будет глупо смотреться. Волосы собрала в тугой хвост на самой макушке, чтобы не мешались, макияжа минимум. Потечёт ещё...

Прихожу задолго до начала: с моим билетом можно попасть на площадку даже раньше випов. Чувствую такой подъём, что кажется, будто скоро взлечу. Сердце бьётся быстро, от предвкушения кружится голова. Хотя бы на мгновение, но с Максом мы точно сегодня пересечёмся. Мне и секунды рядом с ним хватит для того, чтобы умереть от счастья. Ещё постою на саундчеке, как в прошлый раз. Думаю, сегодня он не будет против.

Иду по коридорам площадки, народу много. В основном

стафф, но видела ещё пару «закулисников». Их, к счастью, немного. Как я поняла, это друзья Рима и Дена — они часто и громко этим кичились. Из самой группы пока никто не пришёл, ну или я их ещё не заметила. Сцену готовят к шоу, настраивают пиротехнику, колонки, проверяют аппаратуру. Скучновато, если честно. Ни разу не была в такое время за кулисами, но представляла, что будет интереснее.

Ухожу из зала и бреду к фанатской. Наберу себе мерча, пока «випы» не заявились. Стафф разрешил. Снова тёмный коридорчик. Как же все площадки экономят на помещениях для персонала. Кругом трубы, провода, щитки. Могли хотя бы гипсом прикрыть для приличия. Или света побольше повесить, темнота такая, что...

Кто-то хватает меня за волосы, и я теряюсь в мыслях.

— Милый хвостик, — Макс наматывает мой хвост на руку и притягивает к себе ближе.

Вздрагиваю, но уже не от страха. Как только его тёплое дыхание касается моего уха, я таю и сжимаю губы. Вот так сразу, без прелюдий, разговоров... Он приобнимает меня сзади, придвигает к себе всё ближе.

— Рад, что ты пришла, — он отпускает мои волосы, но не отстраняется. — Подружек тоже позвала?

Зачем ему подружки? Что сказать? Зачем он это спрашивает? Лучше не врать...

— Да.

— Придут?

Если он заинтересуется ими, то я каждой лично шею сверну.

— Придут.

Макс кладёт ладонь на мою шею, вынуждая отклонить голову назад. Наши губы встречаются на короткое мгновение.

— Поймаю тебя чуть позже, — говорит он. — Только, не убегай далеко.

Он тут же от меня отстраняется и, как будто ничего и не было, быстрым шагом идёт дальше по тёмному коридору. Тут же начинаю слышать голоса стаффа позади. Какой у него хороший слух: ещё бы пара секунд — и нас бы увидели. Почему-то от этой мысли возбуждаюсь... Что было бы, если бы кто-то всё же увидел? Макс бы продолжил меня трогать или тут же сбежал?

Тихо прочищаю горло и скрещиваю бёдра. Мурашки бегут по спине. Для чего он хочет меня поймать? И когда? Не уходить далеко — из этого коридора? Или вообще? Задумчиво закусываю губу. Если буду стоять тут, то стану мешать персоналу. Значит, буду сидеть в фанатской, как и хотела, она совсем рядом, и Макс меня легко найдёт, если захочет.

Слегка обмахиваюсь руками и иду дальше. В фанатской сидят Рим и Ден. Они всегда ходят парой? Раньше я этого как-то не замечала. Никто из них на меня внимания не обращает, оба в телефонах. Стоит поздороваться? Думаю, не стоит их отвлекать. Тихо сажусь на пустой диван, закинув ногу на ногу. Между ними так всё пульсирует, что я начи-

наю злиться! Зачем Макс так сделал, а потом просто ушёл? И сколько мне ждать?

Сижу уже час, залипая в телефон. Хорошо, что Сонин не так быстро разряжается. Успела поговорить с девочками: соврать, что стою в пробке, и скинуть Ким пару фоток моих ног на фоне Дена и Рима. Когда я их фоткала, сработал звук затвора, и Рим тут же поднял два пальца вверх с широкой улыбкой, как по команде. А потом вновь уставился в телефон. Забавно, я думала, он разозлится.

До концерта около сорока минут. В фанатскую пришли «випы», и Рим с Деном бросились скакать перед ними, как аниматоры. Я же сижу на месте, болтая ногой. Слышу, как начался саундчек. Может, Макс ждёт там? Могу ли я сходить до сцены? Она довольно далеко отсюда. Вдруг Макса там всё же нет, а здесь он меня не найдёт? Болтаю ногой активнее — неизвестность раздражает еще больше.

Только я собираюсь встать, чтобы пойти к сцене, как в фанатскую заходит Макс. Чуть ли не вскакиваю с кресла, увидев его, но вовремя сдерживаюсь.

— Дамы, — улыбается он фанаткам, даже не взглянув на меня. — Как насчёт совместного фото?

Фанатки визжат так, что у меня уши закладывает. Чего это он решил с ними фотографироваться? Никогда не приходил и не разрешал, а тут аж сам позирует. Обнимает их по очереди, одну даже в щёку чмокнул. Он специально меня злит?

У меня закипает кровь, вот-вот сорвусь и кинусь на них всех с кулаками. Снова целует фанатку... Может, не заметил меня? Нет, заметил! Я прекрасно вижу, как он стреляет в меня глазами почти после каждого фото. Хочет, чтобы я тоже подошла? Или наоборот?

— Давайте все вместе, — говорит Макс громко. — И я пошёл.

Все вместе... Значит, мне точно стоит подойти. Не просто так он это сказал. Что ж, встаю и становлюсь с самого края, натягивая довольную улыбку.

— Улыбаемся! — говорит девочка-фотограф.

— Стоп! — неожиданно поднимает руку Макс и идёт к фотографу. Он странно хмурится, глядя в камеру, чуть наклоняется вперёд-назад, влево-вправо. — Ты стань правее, — указывает он на блондинку в толпе. — А ты в центр, — обращается уже ко мне.

Становлюсь туда, куда он показал, девочки вокруг тут же поджимают со всех сторон.

— Отлично.

Отдав камеру обратно фотографу, Макс становится прямо рядом со мной и кладёт руку на мою талию, затем спускает чуть ниже, практически на попу. Невольно вздрагиваю от этого. Не боится, что заметят?

— Улыбаемся-я-я! — обращается Макс ко всем сразу.

Как тут улыбаться, когда я в такой растерянности? Зачем он это всё устроил... Мигает вспышка, и Макс тут же отстра-

няется.

— Всё, был рад со всеми познакомиться! — кричит он радостно, попутно набирая что-то в телефоне. — Жду вас у сцены! Сегодня устроим классное шоу!..

Макс уходит, даже не взглянув на меня на прощание. И ради этого я тут столько сидела? Провожаю его щенячьим взглядом. Не могу понять этих игр. Чего именно он хочет? Мне пойти за ним? Или что Или...!

Пока остальные фанаты кошмарят фотографа просьбами отправить им фотографии прямо сейчас, я держусь в стороне. После касания Макса появилась странная тяжесть. Провожу рукой по карману джинсов... В нём что-то лежит!

Макс не просто меня обнимал, он засунул в карман моих джинсов записку! Отхожу ещё дальше от всех и разворачиваю бумажку: «Фото со звездой можно получить в гримёрке». Какая хитрость!

Пока никто не видит, выхожу из фанатской и бегу к гримёркам сломя голову. Слава богу, коридоры пусты, практически весь стафф в зале. Мчусь почти вприпрыжку. Он меня ждёт! Меня!

Перед дверью останавливаюсь, делаю глубокий вдох — нужно выровнять дыхание. Он ждёт меня прямо за стенкой. Дрожу от нетерпения. Что там будет?.. Ещё раз вдохнув, дёргаю ручку.

Внутри совсем тихо, Макс полулежит в кресле у зеркала. Как только я вхожу, он отрывает взгляд от телефона и смот-

рит на меня. Как-то слишком холодно. Не то чтобы я думала, что он на меня кинется с порога, но всё же.

— Привет, — роняю я и жмусь спиной к стене.

Макс улыбается, приподнимаясь:

— Я уже начал переживать, что тебе хватило совместной фотки. И персональная больше не требуется.

От его взгляда я прямо сейчас упаду на пол и обкончаюсь. Кажется, у меня точно не всё в порядке с головой.

— Проходи. — ухмыляется он. — Не бойся.

Не бойся? О нет, Макс, я точно не боюсь. Я сдерживаюсь, чтобы не напрыгнуть на тебя прямо сейчас.

Отлипаю от стенки и подхожу ближе. Смотрит на меня, как охотник на лань, внимательно изучая каждое микродвижение. Не понимаю, чего именно он хочет. И почему молчит? Неожиданно Макс начинает тихо смеяться.

— Перед концертом вечно такой мандраж, будто в первый раз. Эти крики толпы... Боюсь, что однажды они меня разорвут, — закатывает он глаза. — Такое напряжение, не представляешь. Прямо не хочется туда идти.

Напряжение. Это намёк? Помочь его снять? За этим я здесь?

Макс встаёт, подходит ко мне ещё ближе. Неосознанно делаю шаг назад и упираюсь руками в стол.

— Злишься? — Макс накрывает мои кулаки ладонями. Мой зад упирается в столешницу, я практически в ловушке. А это заводит.

Демонстративно дую губы и отвожу взгляд.

— Что ты устроил? — отвечаю с придыханием. — Зачем?

— Что я устроил? — голос все ниже, все бархатнее.

— Зачем ты их целовал? При мне.

— В щёки? Это даже не поцелуй... — Тон у него игривый, но глаза серьёзные.

— А что — поцелуй? — Вытягиваю шею вперёд, вопросительно подняв брови.

Макс тут же впивается в мои губы. Дрожу от восторга. Всё это время я безумно скучала по его горячему языку, по этому напору, желанию. Никто и никогда меня так не целовал, как он.

— Я следил за тобой, — шепчет он между поцелуями. — Всё это время. Такая послушная... Терпеливая... Сказали сидеть, и она сидит. Милашка.

Скажи мне это кто-то другой, я бы вмазала по лицу. Но сейчас эти слова только сильнее возбуждают. Макс отрывается от моих губ и хватает меня за хвост. Невольно вскидываю подбородок.

— Не боишься, — говорю я, — что кто-то сюда зайдёт? И застукает тебя с сумасшедшей фанаткой?

— Ужасно боюсь, — он буквально мурчит мне в шею. — Но не могу ничего с собой поделать. Так тянет к этой фанатке...

Шумно выдыхаю. Макс с силой сжимает моё бедро. Бросаю невольный взгляд на дверь — она ведь действительно

не закрыта... Внутри странно щекочет, будто где-то в животе затерялась птичка. Макс замечает мой пристальный взгляд на дверную ручку и сильнее наматывает волосы на кулак.

— Переживаешь? Или наоборот... Хочешь, чтобы сюда кто-то вошёл? — Наши губы снова соприкасаются, но лишь на секунду. — Чтобы все увидели, на что ты готова ради своего кумира?

Не могу ответить, воздуха не хватает, бросает в жар.

— А может, ты уже кому-то успела похвастаться своими достижениями? — продолжает он. — Рассказала подружкам о том, как кончала прямо на глазах у толпы, без рук?

Дыхание Макса обжигает мои губы. Он так близко, но при этом так далеко. Не могу дотянуться — слишком крепко держит за хвост...

— Нет, — шепчу я. — Никому.

— Точно? — он улыбается, а его глаза прожигают меня насквозь.

— Да-а... — буквально стону.

Снаружи слышны крики. Концерт начался? Гремят гитары, взрывается пиротехника. Если Макс сейчас вздумает уйти, то я сойду с ума. Внизу всё горит так, что, наверное, штаны уже мокрые. Не выдержу больше ни минуты этой пытки.

Он смотрит на меня пристально и даже не собирается уходить. Но и ничего не делает. Ждёт моей инициативы?

— Хочешь... — мой взгляд падает вниз. — Помогу тебе снять стресс?

Поверить не могу, что я это сказала. Не жду ответа, сразу тянусь рукой к его ширинке. Да он такой твёрдый, что сейчас порвёт молнию.

Макс отпускает мои волосы и делает полшага назад. Ныряю под стол, на колени, но не успеваю даже расстегнуть пуговицу, как слышу крик из коридора:

— Да где его носит?!

Макс тут же хватает меня за плечи, поднимает на ноги и буквально утаскивает в туалет. Прижимаюсь спиной к холодному кафелю в тесной комнатке. Кто-то вошёл в гримёрку и тревожно ходит из стороны в сторону.

— Да где он может быть?!

— Может, курить пошёл?

— Сбегай до курилки, я тут подожду. Вон, телефон его валяется, должен вернуться.

Дверь хлопает, но кто-то точно остался в помещении. Переглядываемся с Максом. Он может выйти один, и никто ничего не узнает, но... Делать этого он точно не собирается. И я не дам.

Облизываю губы, кладу руки на его плечи и усаживаю на закрытую крышку унитаза. Вижу, что ему это нравится: улыбка расползается до ушей, а горячая ладонь касается моей щеки, проводит по волосам, шее. Замираю, хлопая глазами. Кажется, нас вот-вот спалят.

— А тебя заводит на людях, да? — говорит он вполголоса. — Я-то думал, что ты приличная девочка.

Какой же у него грязный рот! Боюсь себе признаться, что мне охренеть как это нравится. Расстёгиваю ширинку беззвучно, практически затаив дыхание, и замираю. К двери туалета кто-то подходит. Свет мигает дважды:

— Есть кто? Нет?

Ручка не спешит опускаться. Макс смотрит меня, приподняв одну бровь, с легкой надменностью. Думает, испугаюсь и убегу, когда его член уже у моего лица? Ну нет. Не тяну больше ни секунды и беру его в рот. Если уж нас и застукают, то хотя бы на чём-то серьёзном, а не на полпути.

— В курилке нет. — вновь крик в гимерке. — Выпустим приглашенного пока! — Человек у двери уходит, так и не открыв её.

Двигаю шеей активнее, пошло чмокая. Теперь уж точно мы одни. Макс вскидывает голову, стиснув зубы. Хочу заглотить его полностью, но не получается. Макс и не настаивает, плавно отодвигая мою голову назад. Это так... заботливо?

— Не жадничай, — тихо усмехается он. — Время есть. Разогревай горлышко без спешки.

Я бы точно ему что-то ответила, не будь мой рот занят! Не могу оторвать от Макса глаз. Как же, наверное, пошло это выглядит со стороны. Но ничего не могу с собой поделать, хочу смотреть на его краснеющее от удовольствия лицо. Впервые чувствую такое наслаждение от того, что делаю это ртом.

Стены чуть вибрируют от басов из зала. Стафф отправил на сцену приглашённого артиста, который обычно выходит в середине. Выпускаю член и чуть оглядываюсь на двери — точно ли мы одни?

— В чём дело, Алекса? — Макс хватает меня за хвост. — Без чужих ушей за стенкой уже не то?

Укусить бы его сейчас... Но я послушно расслабляю шею, разрешая Максу управлять моей головой самому. Губы приятно гудят, слюни буквально текут по подбородку. Никогда бы не подумала, что можно так классно трахаться в рот. Вновь пытаюсь заглотить глубже, в этот раз выходит. Мужские стоны — это нечто невероятное.

Макс закрывает мне глаза ладонью, лёгким давлением направляет в нужную ему сторону. Хочу смотреть на него, пытаюсь скинуть руку с лица кивком, но он прижимает сильнее. Сквозь щёлочку между пальцами замечаю что-то чёрное. Он достал телефон!

Тут же замираю от неожиданности. Он снимает?!

— Это твой, — говорит он спокойно. — Не снимаю, просто смотрю через камеру.

Он убирает один палец от моего глаза. В его руках действительно мой старый айфон. Не врёт.

— Зачем? — Отодвигаюсь чуть назад, он упирается мне в щеку. Горячий, влажный.

— Устроит тебя такое фото со звездой?

Макс вновь закрывает мне глаза. Машинально раскрываю

рот шире и беру его полностью. Слышу звук затвора. Такое фото точно не поставить в рамочку на тумбу... Плевать, потом просто удалю. Продолжаю двигать шеей — пусть фотографирует сколько хочет.

Макс убирает руку с глаз, отодвигает мою голову назад. Телефона больше нет. Он встаёт и кладёт ладонь на мою макушку. Послушно высовываю язык, готовясь вновь его принять. Он начинает драть моё горло так жёстко, что сами собой бегут слёзы, но отстраняться даже не думаю. Я теку как сука, губы горят, глотка печёт, но мне так классно, как никогда. Ещё пара толчков — и я кончаю лишь от того, что Макс имеет меня в рот. Это точно ненормально, но думать об этом даже не хочу. Такой пульсации и жара я не чувствовала даже сама с собой наедине. Он кончает следом, в рот, но не в горло. Хотя я сейчас так горю, что не была бы против и такого.

Не успеваю отойти от эйфории, как Макс наклоняется ко мне и целует в губы. Как... мило. Бывший брезговал...

Не отрываясь от поцелуя, Макс вкладывает в мою ладонь мой же старый телефон. Сжимаю его в руке. Какого же ужасного качества будет эта фотография... Макс поднимает меня с колен, прижимает к стенке, снова целует, но уже коротко:

— Мне пора.

Обиженно дую губы и роняю взгляд в пол. Конечно, ему пора. Приглашённый артист уже три трека отыграл вместо одного. Зал, наверное, очень недоволен.

— После концерта... — Макс утирает мои покрасневшие

губы ладонью. — Бери подружек и иди за площадку.

— Зачем они тебе? — хмурю брови.

Макс отстраняется со странной улыбкой, затем сдавливает мои щёки одной рукой:

— Прояви терпение, Алекса.

Подарив мне еще один кроткий поцелуй, Макс уходит.

— Ты чего такая растрепанная? — возмущается Соня, как только я нахожу её в толпе. Пришли все, и Оксана, и Тори. — Тушь растеклась... — Соня принимается копошится в микро-сумочке, в поиске салфеток.

Блин, я даже не посмотрелась в зеркало перед тем, как выйти из гримерки...

13. Макс

Чуть стучу по наушнику в ухе, в последний раз проверяя его работу, и выбегаю на сцену, вскинув руки. Вспышки, огонь, брызги, крики толпы. Задержка почти на полчаса — орги меня выпотрошат. Но даже если отмотать время назад, я бы всё равно остался в гримёрке с Алексой. Хоть на час. Да даже если бы в дверь начали ломиться с требованиями выйти, я бы всё равно не вытащил член из её рта.

Как такая с виду невинная девочка может такое вытворять? Я чуть не завизжал, как мальчишка, когда она заглотила полностью. А эти глазки с чёрными капельками потёкшей туши... Искренние, жадные, горящие. Ей нравилось ничуть не меньше, чем мне.

Ищу её в толпе, не забывая попадать в слова трека. Хочу увидеть эту развратную лань ещё раз. Не вижу. Неужели сбежала? Или ещё не пришла в себя? Может, не стоило так спешить с камерой?..

Нахожу в толпе её высокий растрёпанный хвостик. А потом и горящие глазки. Рядом подружки — переписки с ними я читал в её телефоне. В них ни слова обо мне — не соврала. Может, сейчас не сдержится и разболтает? Со сцены вижу, как пылают её измученные губы. Блондиночка стирает с её лица растёкшуюся тушь. Как жаль — она дополняла образ. Судя по реакции этих троих, ничего интересного Алекса им

не рассказала. Продолжают скакать и подпевать.

Весь концерт только и делаю, что ловлю взгляды Алексы. Жадные. Стоит ли так долго мучить девочку? Конечно, стоит. Не могу сдержать улыбки от этих мыслей и чуть не пропускаю целую строчку трека. Надеюсь, она не пожадничает и скинет мне то фото.

После концерта, как и всегда, афтерпати. В этот раз я туда пойду. Точнее, сделаю вид, что пойду. Хочу посмотреть на реакцию Алексы. Сдержится или устроит истерику?

Ждём всей группой у машины. Рим уже облеплен фанатками, как новогодняя ёлка шарами. Рядом трётся и Ден. Их любовь к «двум стволам» словами не описать. И ведь каждый раз находится та, что согласится.

Заветная четвёрка выходит из-за поворота. Блондиночка, кажется, Соня. Главный спонсор их фан-клуба и лично Алексы. Судя по переписке, лань задолжала ей очень неплохую сумму, ещё и смартфон. Фигуристая — Оксана, душка. Только о фильмах и музыке переписывались. Алекса должна и ей, но меньше. Виктория — тёмная лошадка. Переписка ни о чём: чаще технические вопросы, реклама, посты... Взгляд у неё самый тяжёлый из всех. Девочка явно не дура. И в долг Алексе не даёт — точно не дура.

Алекса идёт впереди всех, смело, но как-то медленно. Жмётся в куртку, лицо красное, волосы прилипли к щекам. Она так яро прыгала всю вторую половину концерта — откуда только столько энергии? Загонять бы её до тряски в ко-

ленях...

— Привет, — улыбаюсь им четверым. — Как концерт? — Вопрос ни о чём, только ради вежливости.

— Супер! — верещит блондиночка. — Ты... Вы такой! Просто круто!

Словарный запас небогат. Хотя, может, просто волнуется. Ладно, это меня не сильно интересует. Больше волнует, как они себя поведут. Алекса улыбается, но не подходит. Отлично, понимает границы.

— Мы и на афтер приглашены? — прыгает на месте пышка. — Невероятно!

Улыбаюсь и мотаю головой:

— Извини, не в моей власти это решать. Едут только те, кто купил ложу. — Вру. Конечно, в моей. — Договорюсь на следующий раз, а пока... — Тяну, недвусмысленно косясь на Алексу. Молчит, хлопает глазками. — Мы с вашей подружкой... — Вновь тяну. Она незаметно кусает щёки изнутри, продолжая молчать. Какая умница. — Договорились сделать несколько снимков для вашего канала.

Алекса вздрагивает, облизывает губы, отводит взгляд. Прижать бы её к стенке прямо тут, при всех. Блондинка тут же подбегает ко мне, вытягивает руку с телефоном и делает снимков десять. Следом подходит полненькая, потом, как-то нехотя, высокая. Самой последней — Алекса. Беру телефон из её рук и фотографирую сам.

— Хорошо вышло. Скинешь мне? — Передаю смартфон

обратно и заглядываю в её сверкающие глаза. — Или удалишь? — улыбаюсь.

— Зачем ей удалять?! — вскрикивает блондинка. — Скинет, конечно!

Алекса чуть наклоняет голову, смотрит на меня исподлобья. Ответа нет. Не буду давить, пусть подумает.

— Ты что, язык проглотила, Саш? — возмущается кто-то из них.

— Жадина, — смеюсь я по-доброму, без злобы.

Минивэн за спиной начинает рычать. Ден с Римом и их орда желающих на гэнг-бэнг прыгают внутрь. Рим тут же высовывается обратно и кричит мне:

— Да давай уже!

Кидаю девочкам по улыбке на прощание, Алексу же намеренно обделяю. Пусть немного покипит.

14

— Я буду обращаться в суд, — строго сказала Вика, положив одну ногу на другую. — И приложу все усилия, чтобы Макс получил по заслугам.

— Давай ещё раз, — вздохнул интервьюер с нескрываемым сомнением. — Ты хочешь засудить своего бывшего парня за то, что он снимал тебя на видео и, цитата, «может быть», выкладывал куда-то. То есть прямых доказательств того, что он как-то монетизировал ваш интим, у тебя нет?

Вика сжала губы и раздражённо кивнула.

— Ты ведь знала, что он снимает? Многие пары практикуют съёмку хоум-видео. Это не противоречит закону, если в итоге ничего никуда не публикуется.

— Я точно знаю, что всё это транслировалось на каком-то сайте!

— На каком? — интервьюер поднял брови.

— Понятия не имею. Он никогда мне их не показывал. Явно не на наших каких-то, скорее на иностранных, но...

— Ты давала на это согласие? Или он снимал всё тайком? Как ты вообще узнала, что видео куда-то сливаются, если не видела сайт? Ваши лица там были видны? Макс попадал в кадр? Или ты там была одна?

— Так, — Вика подняла ладони, утопая в вопросах. — Подожди.

— Сайт ты не видела, видео у тебя нет, не считая одного, которое ты опубликовала сама, без разрешения своего бывшего, кстати. И на котором, очевидно, никто тебя не насилует.

— Да, я знала про съёмку! — закипела Вика. — Да, он меня не насиловал, но...

— Но что? Ситуация выглядит как грязный хайп. Ноль доказательств, сотня обвинений... Макс же вообще молчит.

— Он меня не насиловал, но склонял! — буквально закричала Вика. — Ставил в такие ситуации, когда отказать было невозможно!

— Это в какие? Как понять — невозможно отказать? Хочешь сказать, что Макс тебе угрожал?

Вика резко замолчала и подняла голову к потолку. Глаза покраснели и быстро наполнились слезами.

— Очень уж твоя история похожа на фантазии обиженной женщины, Вик.

— Я боялась, что он уйдёт, — пробубнила она сквозь слёзы. — Он выстроил наши отношения так, что без него я даже выйти из дома не могла. Друзья, семья... Макс вынудил меня порвать все связи. Внушил, что он единственный, кому можно доверять во всём мире...

— Каким образом? — интервьюер равнодушно откинулся на спинку кресла и начал листать список вопросов.

Вика молчала, непонимающе мотая головой, затем пожала плечами.

— Ты жила с парнем, которого половина страны перед сном представляет рядом с собой. Он тебя содержал, спродюсировал твой блог...

— Я ничего с этого не получала. Ни рубля... Он запрещал.

— Зато получаешь сейчас. Мы подготовились и узнали стоимость рекламы в твоём блоге. Полтора миллиона за пост. Неплохая цена за публикацию одной фотографии.

— А почему я должна ничего не иметь хотя бы сейчас?! — оскалилась Вика. — Я хочу вынести из этой истории хотя бы что-то ещё, кроме напрочь уничтоженной психики!

— Я так и не понял, как именно тебе «уничтожили психику». За весь час интервью ты только рассказываешь о каких-то видео и о том, какой Макс подлец, без особой конкретики.

Вика вновь вскинула голову и уставилась в потолок:

— Потому что ты слышишь только то, что хочешь слышать...

— Хорошо. Ты говоришь, что Макс ставил тебя в такие положения, что отказать ты не могла. Просто приведи пример.

— Он часто хотел делать это на людях... — замялась Вика, подбирая слова. — В общественных местах. Я никогда не хотела, но он как-то...

— Как-то?.. Принуждал? Заставлял? Шантажировал?

— Нет. Просто... как-то убеждал.

— Убеждал, — саркастично повторил интервьюер.

Вика закрыла горящее лицо ладонями и опустилась на собственные колени.

— Ну что ж. Пока всё складывается так, что любое твоё слово идёт только на пользу Максу... Не представляю, как ты планируешь выиграть суд, но искренне желаю, чтобы восторжествовала справедливость. Но советую тебе, Вик, лучше подумать над стратегией.

15

Сообщения от Ким открывать боюсь: она уже трижды за утро написала про мой долг и то, что ей нужно срочно заплатить за квартиру. Скроллю ленту, на трубке висит Соня, рассказывающая о новой коллекции какого-то очень дорогого бренда косметики и о том, как она его хочет.

Иногда, между мемами, переключаюсь на галерею и смотрю на своё фото из гримёрки, тут же заливаясь краской. Не могу поверить, что это я, и ещё больше не могу поверить в то, что я не хочу его удалять. Качество ужасное, но выглядит всё равно очень даже ничего. В плане ракурса. Даже себе нравлюсь, хоть тут от меня только губы, нос и волосы, остальное закрыто рукой Макса. Он специально сделал так, чтобы практически невозможно было нас опознать? Глаза мне закрыл именно той рукой, на которой нет татуировок.

Слышу из динамика мужской крик, грохот, а затем шёпот Сони:

— Папа пришёл...

Смахиваю фото вверх так быстро, будто отец Сони вошёл ко мне, а не к ней. Крики не умолкают, следом — топот и тихий щелчок.

— Всё, я тут, — тихо говорит Соня.

— Почему он так кричит? — откидываю старый телефон в сторону, чтобы не отвлекал.

— Проблемы на работе. И, похоже, серьёзные. Мама тоже как на иголках. Мне ничего пока не говорят.

Вот она, реальная жизнь богачей. Снаружи лоск и стразы, внутри — ругань и скандалы.

— Спроси сама, — хмыкаю я.

— Я что, самоубийца?! Нет-нет. Лучше помолчу.

— В семье не должно быть секретов...

— Ах, Са-ша-а. В каждой семье свои правила. У нас всем рулит отец, и лезть в его дела себе дороже. Он на работе такой стресс постоянно испытывает...

Такой стресс, что делится им с семьёй.

— Я тоже хороша с этим новым айфоном... Папа просил быть экономнее, а я не удержалась.

— Вернуть тебе старый? — тревожно сжимаю кулаки. Плюс один долг на моей шее...

— Ну... — тянет она. — Ты уже купила себе другой?

— Нашла старый, — не решаюсь врать. Ещё пару витков на клубке лжи, и я запутаюсь.

Снова мужской крик из динамика, грохот, что-то разбилось. Слышу бубнёж Сони, но не понимаю ни слова, тихий крик, еще чей-то голос. Вновь грохот, треск, шебуршание. А затем — резкая тишина.

Дыхание замирает, в воображении рисуется всякое, от чего стынет кровь.

— Саш, ты тут? — шепчет Соня.

— Да! — радостно выдыхаю.

— Слушай, тут такая ситуация, в общем... — Она буквально пищит. — Раз телефон тебе не нужен, отнеси его к скупщику в ТЦ возле тебя. Это мой знакомый, скажи, что от Софьи Ковалёвой. Он поймёт.

— Сонь, что случилось?! — перебиваю её. — Ты цела?

— Да-да, всё нормик. Просто давай на следующую нашу встречу вместо телефона принеси сразу деньги за него, ок? — говорит Соня всё надрывнее. — Я пока... дома посижу пару дней. Сделаешь?

— Да, конечно, Сонь! Сделаю! С тобой точно всё хорошо?!

— Да-да. Отлично. Мелочи! Попозже ещё созвонимся, оки?

Не дожидаясь моего ответа, Соня завершает звонок. Остаюсь наедине с тишиной, открыв рот от шока. Я знала, что отец Сони, мягко говоря, человек суровый, но чтобы такое...

Приходит очередное сообщение от Ким: «Саша, это срочно!». Знаю, знаю, но откуда мне деньги взять, если их нет! Смахиваю сообщение и листаю ленту дальше, стараясь забыть о том, свидетельницей чего я только что стала.

В коридоре гремят ключи — мама вернулась с работы. Как-то чересчур рано. Она ушла буквально часа три назад. Завод сломался, что ли? Дрон всё-таки долетел?

Слышу, как мама разувается, кидает сумку с обедом на пол. В её движениях какая-то непривычная печаль. Может, реально дрон врезался? Или приболела?

— Ма-ам! — кричу я. — Чего так рано?

Ответа нет, что настораживает. Она молча уходит на кухню, оставив сумку на полу. Тут же мой телефон опять пищит — опять Ким. Ладно, может, момент и не лучший, судя по поведению мамы, но она обещала покрыть долг.

— Мам, тут Ким пишет... — встаю с кровати и бреду за ней на кухню. — Ей надо за квартиру платить, а нечем...

Замираю в проходе, чуть не роняя телефон. Мама молча рыдает, глядя в стену пустыми, красными глазами.

— Мам, — роняю кротко.

— Меня сократили. — вдыхает она.

— Ну... — подбираю слова и жмусь к стенке. — При сокращении три оклада выдают, нет?

— Конечно. — Мама сжимает губы и странно кивает. — А почему не десять? За этот месяц хоть бы отдали...

— В смысле «отдали бы»? — Сажусь за стол напротив неё и хмурю брови. — Мам! Они обязаны! Есть же закон! — Мама вновь кивает, но уже молча. — Нужно сходить в трудовую инспекцию! Заявить о нарушении и...

— Иди, Саш. Иди. Хоть прямо сейчас.

— Мама! Нужно отстаивать свои права! Почему ты вечно язык в жопе держишь?! Это незаконное увольнение!

Она молча встаёт, утирает лицо двумя руками и поворачивается к окну:

— Отдавай своей подружке долг сама. Каким хочешь способом. — Упираясь в стену, мама уходит в комнату. — Нам

самим нечем платить за аренду...

— Как сама?

Мама замирает у двери и резко оборачивается ко мне.

— Молча, Саша! Мол-ча! Иди работай! Мне надоело тащить на своём горбу взрослую кобылу!

Обидно. Поднимаюсь со стула и хмурю брови:

— Ты сама решила меня родить. И я не хочу тратить свою молодость на работу! Могла бы от папы не уходить и...

— Да если бы я знала, что моя дочь будет такой эгоистичной тварью, то сделала бы аборт не раздумывая!

Замолкаю. От обиды тут же наворачиваются слёзы. Мама сверлит меня взглядом с полминуты, а затем хлопает дверью спальни. За стеной слышу громкие рыдания.

Плюхаюсь обратно на стул. Услышать такое от собственной матери — это как-то чересчур... Нижняя губа начинает трястись, глаза печёт от подступающих слёз. Тут же смахиваю их пальцем.

Громкие шаги — дверь спальни открывается.

— Можешь валить к своему папаше! — кричит мама. — Раз он такой хороший! У вас с ним получится отличная команда по набиранию долгов!

Мама опять хлопает дверью и скрывается в комнате. У меня начинает жечь под рёбрами. Да, мой отец не был идеальным, но он же мой отец! Мать сама решила с ним развестись, потому что считала, что без него будет лучше. Да, папа часто влезал в долги, да, иногда выпивал. Но мы хотя бы

жили в более просторной квартире и в Москве! А не в этих трущобах...

Она снова громко плачет, а у меня колотится сердце... Тихо подхожу к двери спальни и заглядываю внутрь:

— Мам...

— Чего тебе? — бубнит она, уткнувшись лицом в подушку.

— Сколько нужно отдать за аренду?

— Если ты собираешься влезть в очередной долг, то нисколько.

— Я заработаю...

Мама резко выныривает из подушки и смотрит на меня:

— Правда? Поможешь мне?

Молча киваю...

16

Такой работы, чтобы за день мне заплатили больше тридцати тысяч, я не нашла. Да даже пятнадцати, чтобы рассчитаться хотя бы с Ким. Ей нужно отдать долг именно сегодня, а за нашу с мамой аренду — ещё есть неделя. Полегче, но не особо. Я никогда не работала, не считая пары смен курьером. Но и там нужную сумму не заработать, хоть убегайся. Была бы у меня машина, ещё, может, и был бы шанс...

Ещё вариант, о котором только и талдычит Ким: попросить у Макса. Но это сразу нет! Боюсь, что он это поймёт неправильно. Рано ещё попрошайничать, тем более в его глазах я не бедная девочка. Не хочу, чтобы он меня жалел или помогал. А ещё больше не хочу сесть на крючок чужого кошелька. Знаю я эти истории: бедная девушка, богатый парень. Нет, категорически нет.

Брожу по ТЦ в поисках работы. Уборщица, кассирша, промоутер — всё не то. Вот бы найти вакансию какой-нибудь модели. Постоять полдня у крутой машины на первом этаже и получить тысяч десять. А лучше пятнадцать. Но таких вакансий не нахожу.

Ким названивает каждый час. Неужели непонятно, что я стараюсь решить вопрос! Хотела посоветовать ей взять микрозайм, пока сама я в поисках работы, но Ким влепила себе самозапрет на кредиты сразу, как только его придумали.

Странная, конечно. Всякое в жизни бывает. Например, сейчас бы кредит очень помог и ей, и мне.

От безысходности зашла в магазин к Оксане, но и там ничего путного, ещё и нужно форму себе самой купить. Я прихожу на работу, чтобы заработать денег, а не тратить их!

— Слушай, мы вот с Тори всё переживаем, — Оксана роется на полках с вещами, раскладывая футболки по цветам. — Ты скинула фото Максу? Он ведь попросил.

Чуть не падаю на пол от шока, не поняв сразу, о каком именно фото речь. Щёки загораются, еле подбираю слова для ответа:

— Нет... Зачем? Он же несерьёзно.

— Да ты что, Саш! Вдруг нет? Вдруг не пошутил!

— Да нет. Просто хотел порадовать фанатку.

— Саша! — Оксана спускается по стремянке ко мне ближе. — Нельзя упускать такой шанс! Отправь!

Ох, знала бы она, какое фото он действительно просил...

— Я подумаю.

— Что тут думать?! Макс, очевидно, тобой заинтересовался! Не глупи!

— С чего ты взяла? Из-за просьбы скинуть селфи?

— За столько лет нам ни разу никто не присылал билеты на концерт! А после первой вашей фотки с Максом прислали. А потом он зовёт нас всех, устраивает мини-персональный фотосет и просит лично тебя прислать ему фото. Ну надо быть дурой, чтобы не свести А с Б.

С украденным мной билетом ты, значит, А с Б не свела, а тут прямо в точку:

— Он даже не прочитает. Не вижу смысла позориться.

— Опозорилась ты только тогда, когда запихнула ему бумажку в штаны! И потом эту бумажку увидел весь интернет!

Сжимаю губы, закрываю глаза и медленно дышу через нос. Как же хочется ей ответить. Рассказать, к чему тот «позор» привёл на самом деле, но не могу.

— Тори к обеду придёт, посидишь с нами?

— Посижу, — пожимаю плечами. Делать всё равно нечего. — Только у меня денег нет.

— А они когда-то у тебя были? — смеётся Оксана.

Ха-ха, очень смешно. Её долг только что упал в самый конец моей очереди на возврат. Снова звонит Ким, снова сбрасываю... А что ей сказать? Что я изо всех сил ищу лоха, который готов подарить мне пятнадцать тысяч?

Временно прощаюсь с Оксаной и бреду дальше по залам. Набрать Ким и сказать честно, что я не справилась?.. И теперь её выселят из квартиры из-за моего платья. С одной стороны, она сама предложила, никто не заставлял. А с другой...

Гуляю по холлам туда-сюда до самого обеда. Пару раз заглянула в лавку скупщика, к которому послала Соня, но там оказывались безумные очереди. Как много желающих сдать своё барахло... Иногда открываю чат с Максом, что вновь оказывается пустым. Конспиратор хренов... Судя по сторис, с самого утра мотается по всяким ресторанам и студиям. Со-

мневаюсь, что вчера он действительно поехал на вечеринку, скорее сделал вид, чтобы меня позлить. Посмотрим, кто ещё кого будет злить... Кидаю в свои сторис старое фото с бывшим, но прячу его лицо за смайликом. Фотка классная, сверхпафосная. Я в красивом платье в пол, он — высоченный качок в костюме. Грубо приобнимает меня за талию, я целую его в щёку. В щёку ведь даже не поцелуй, да? Публикую «для близких» и добавляю в список лишь Макса. Пусть тоже побесится.

К обеду собираемся на фуд-корте с Оксаной и Тори. Оксана всё никак не угомонится с этой фотографией и убеждает меня отправить селфи Максу. Тори же как-то странно молчит.

— Дай свой телефон, я отправлю сама! — буквально требует Оксана.

— Да отстань ты! — не сдерживаюсь. — Хватит, ты понятия не имеешь, чего он на самом деле хочет!

Оксана резко замолкает, Тори вскидывает брови, а я прикусываю язык. Он у меня что, от мозга отключился?

— Чего это он хочет? — спрашивает Тори. — На самом деле?

— Да блин! — раздражённо вздыхаю. — В смысле, я тоже не знаю. Это всё было несерьёзно, вот и всё. Ну, это как вопрос «как дела?» перед тем, как в долг попросить. Всем пофиг, как на самом деле дела, как и Максу на эту фотографию.

— Что-то ты совсем завралась, Саш. — Тори стучит лож-

кой о край чашки и сверлит меня взглядом. — Пару недель назад, если бы Макс попросил тебя отправить ему селфи, ты бы прислала как стоишь голая раком у зеркала. Что изменилось?

Как грубо. Хотя это правда.

— Повзрослела, представляешь.

— Ага. Конечно.

— Не ссорьтесь вы из-за фигни! — встревает Оксана. — Ну, Саша, ну пожалуйста, ну отправь ты ему эту фотку! — говорит она, прыгая на месте и сложив ладони. — Вдруг он нам ещё билетов пришлёт! Помнишь, сказал тогда ещё, что «договорится в следующий раз за нас»? Чего тебе стоит просто скинуть фотографию?

Замираю на месте, уставившись в стол.

— Ладно. Убедили.

Достаю телефон, открываю пустой чат с Максом и отправляю наше селфи.

— И подпиши ещё: «Помнишь меня?» — не умолкает Оксана.

— Лучше сразу напомни про его обещание насчёт билетов, — хмыкает Тори.

— Это уже совсем наглёж! — возмущаюсь я.

— Наглёжом было задерживать концерт на полчаса. — Её тон заставляет меня всё больше настораживаться.

— Я не буду больше ничего писать! Всё! Если он мне ответит, тогда и напомню.

Только я собираюсь убрать телефон в карман, как он предательски жужжит.

— Это он! — чуть ли не визжит Оксана.

— Нет, — хмыкаю я, пряча смартфон в карман. Конечно, это он... Удача сегодня меня точно покинула.

— Покажи. — Тори вытягивает руку. Мне уже не кажется, я прямо уверена, что она о чём-то догадывается.

— Да с чего вдруг?! — хмыкаю в ответ.

— Покажи телефон! Или я расскажу Соне, что ты украла её билет.

Чёрт, Соня же не знает... Она уж точно так спокойно не отреагирует, как Оксана с Тори. Закатываю глаза и достаю телефон обратно. Смотрю в экран долго, поджимаю губы, жую щёки, делая вид, что открываю приложение. Сама же проверяю сторис. Макс её посмотрел.

— Да, это он, — говорю спокойно.

— Что написал?! — Оксана вскакивает с места.

— Ничего... — снова закатываю глаза. — Лайк поставил.

Вот мудак. Просто лайк?

Дую губы, пока девочки рассматривают переписку, состоящую из одной фотографии и «сердечка». Он увидел фото с бывшим и ничего не написал? Ему всё равно?.. Скрещиваю руки от обиды. А что, если он понял это не так, как я рассчитывала? Подумал, что это мне на него всё равно? Что у меня есть парень и всё такое... О такой интерпретации я както не задумывалась.

Пока я дуюсь и копошусь в мыслях, Тори что-то печатает в моём телефоне.

— Эй-эй, — вскакиваю я. — Погоди! Ты что там пишешь?

— Отправлено! — говорит Тори и передаёт мне телефон. Оксана рядом ехидно хихикает.

«Ты обещал мне с подружками билеты на афтерпати. Когда отправишь?»

— Вы охренели?! — моментально взрываюсь. — Пишите со своих страниц, раз так хочется! Меня не втягивайте!

— Успокойся, что такого-то, — отвечает Тори. — Нормальная просьба.

— Да ты!.. — Поднимаю руку с телефоном и с трудом сдерживаюсь от того, чтобы не ударить им её. — Не лезь в мою личную жизнь, ясно!

— Личную? — поднимает бровь Тори. — У вас с ним уже личная жизнь есть?

— А тебе какое... — Телефон жужжит, отвлекая меня от ответа. — Дело... — Смотрю в экран и падаю обратно на стул.

— Ответил? — вступает Оксана.

Молча отдаю смартфон ей, сама же заливаюсь краской. Оксана смотрит в экран и довольно визжит, а следом за ней начинает смеяться и Тори.

«Напиши свою почту».

Будто он её не знает! Закрываю лицо руками. Слышу, как щёлкает клавиатура, Тори вновь что-то печатает.

— Готово!

Забираю телефон обратно. Тори отправила Максу свой электронный адрес.

— Почему твой? — возмущаюсь я.

— Я попросила, а не ты.

— С моего аккаунта!

— И что? Тебе же не хотелось этого делать.

Да с каких пор Тори такая сука?!

— Опа, — хмыкает она и достаёт свой телефон. — Пришли!

Оксана делает вид, что падает в обморок. Я же закипаю от злости.

— Ладно! Всё! — вскакиваю с места. — Мне пора! Раз вы сделали всё, что хотели, то пойду.

— Да давай, — холодно отвечает Тори, не отрываясь от телефона.

— Не забудь переслать билет и мне! — кидаю напоследок.

Она кивает, а Оксана машет мне рукой.

Наконец-то у скупщика никого нет! Быстрым шагом иду к нему, но у самого входа останавливаюсь. Деньги Ким. Я так и не нашла никакой работы.

В руках сжимаю ещё не сданный Сонин телефон и делаю шаг назад. Кусаю губы, размышляя. Да, Соня говорила, что у её отца сейчас проблемы и всё такое, но...

Захожу в её банк и смотрю на сумму на счёте. Мне на-

до всего пятнадцать тысяч. При таком балансе это даже не будет заметно. Наверняка она подумает, что потеряла карту или типа того, а пока будет думать, я уже найду деньги и просто отдам ей с «очень большими» извинениями. Она поймёт. Всегда понимала, несмотря на свою жизнь в золотых пелёнках.

Бегу к банкомату и благодарю того разработчика, который придумал вход через QR-код в приложении. Снимаю пятнадцать тысяч для Ким, закрываю банк и кладу купюры в карман. Мигает надпись «До свидания», но уходить не тороплюсь. Я ещё обещала помочь маме. Если я вернусь домой без денег, то совесть меня загрызёт. Вот бы придумали таблетку от неё!

Снова вхожу в Сонин банк и снимаю ещё двадцать тысяч. Транзакции в приложении просто скрываю. Надеюсь, они не только на этом устройстве исчезнут, а на всех... Отхожу от банкомата на два шага. Топчусь на месте, то оглядываясь на него, то отворачиваясь. Я сейчас отдам телефон скупщику — и всё, шанса снять деньги со счёта Сони больше не будет. Нужно хорошо подумать.

Вдруг Макс куда-то пригласит, мне опять придётся искать, на что купить новую одежду. Возвращаюсь к банкомату и снимаю ещё двадцать пять тысяч. Всё. Теперь точно всё!

Сдаю телефон скупщику, забираю деньги и прячу в рюкзак. Тут же звонит Ким.

— Бегу к тебе! — кричу в микрофон.

17. Макс

— Серый импорт! — довольно сообщает девушка за прилавком. — Только вчера завезли, а уже больше половины разобрали. И оправа такая стильная... Тебе пойдет, — улыбается она, резко перейдя на «ты».

Кручу очки в руках. Оправа и правда лучше, чем у аналогов. И еще не примелькалась в толпе. Камера скрыта прямо на переносице, есть дополненная реальность. Только тяжеловаты по сравнению с обычными.

— Скидку хочешь? — продавщица выгибается, облокачиваясь на витрину. — Три тыщи баксов они сейчас. Но я тебе за две с половиной пробью. Без наценки.

Да плевать на скидку, невелика разница. Надеваю очки и смотрю в зеркало. Со стороны выглядят как обычные имиджевые, без диоптрий. То, что нужно.

— Качество съемки? — спрашиваю холодно.

— 4К, — отвечает она с ухмылкой. — А ты блогер, да? Или музыкант? Кажется, где-то уже виделись.

— Может, и виделись. — Не хочу ей подыгрывать.

— Так знаменитость или нет? — улыбка становится еще шире.

— Ты еще про мою зарплату спроси и количество комнат в квартире... — Снимаю очки и отдаю ей.

— Если мужику есть чем похвастаться, он обязательно по-

хвастается. А у скромников и достоинство скромненькое.

Улыбаюсь, чуть вскинув голову. Ну и дура.

— Верно подметила. Но понты — это способ продемонстрировать превосходство над теми, кто, казалось бы, тебе ровня. А перед потрепанной сукой даже костью потрясти — слишком жирно, не думаешь?

Она закатывает глаза, чавкая мнимой жвачкой, а затем принимается упаковывать очки.

Целый день только и делаю, что балуюсь с очками, как мальчишка с новой игрушкой. Пока менеджеры таскают нас с Деном и Римом по рекламным съемкам, не упускаю ни единой возможности что-нибудь заснять буквально «своими глазами».

— Да хорош пялиться! — возмущается Ден, когда я в очередной раз пытаюсь снять его вблизи. — Что с тобой сегодня такое?

— Просто ты такой красавчик, — хмыкаю я, продолжая съемку.

Ден тут же кривится и отворачивается.

— Макс купил себе очки с камерой, — смеется Рим. — Будет своих шлюшек снимать со всех сторон!

— Че, реально камера в очках? — оборачивается Ден.

Молча киваю.

— О, сними, сними, как я Рима бутылкой огрею! — вскакивает он, схватив бутафорскую бутылку из карамели.

Молча поворачиваю голову, ловя ракурс. Рим ныряет под стол, Ден прыгает сверху, замахнувшись бутылкой.

— Поставьте реквизит, пожалуйста! — кричит один из менеджеров.

— Вы сами говорили, что будем их бить! — шутливо огрызается Ден.

— Поставьте, прошу! — требует менеджер. — Их ограниченное количество!

— Слышал?! — высовывается Рим из-под стола. — Поставь нахер!

Ден печально плюхается на диван, оставляя бутафорскую бутылку на месте. Мини-фильм не удался, так что снимаю очки.

— А где тут камера? — их тут же хватает Ден и принимается изучать.

Пока он крутит устройство, пытаясь найти объектив, я скучающе рассматриваю бутылку. Вблизи видно, что она из изомальта. Слишком тонкая и кривая. Такая вреда не нанесет, даже если ударить изо всех сил. В отличие от настоящей, которой даже замахиваться не нужно...

Мысленно меня отбрасывает в прошлое. Похожая бутылка в руках у отца, на донышке — пятно крови. На полу мать с пробитой головой. Жива, что-то пищит, закрывается локтями. Вокруг них носятся родственники: кто-то хочет вызвать скорую, кто-то пытается успокоить отца. Я стою в дверях, не зная, что делать. В руках — фотоаппарат-мыльница, совсем

новый. Мигает индикатор съемки. Я хотел заснять праздник, стол, родителей... Момент счастья и радости, а получилось практически снафф-видео.

Я не знаю, за что отец тогда ударил маму, но это было не впервые, так что я не был ни удивлен, ни напуган. Скорее поражен тем, что именно этот момент первым попал на мою новую камеру. Из всех возможных событий за день именно в ту минуту, когда отец замахнулся бутылкой, я решил нажать «запись».

Ощущения были странные, будто я не просто запечатлел чужую драму, а буквально присвоил ее себе. Украл. Сохранил без разрешения. Чужие эмоции, боль и наслаждение от содеянного...

— На, оператор, — Ден надевает мне на нос мои же очки.

Поправляю их на переносице и выключаю интерфейс. Режиссер объявляет об окончании съемки, чему я рад. Надоели вспышки перед глазами и горы еды под носом, которую нельзя есть, потому что это реквизит.

— А бутылки бить?! — возмущается Ден.

— Ну разбей ты, господи! — отвечает режиссер.

Ден тут же хватает бутылку и одним движением разбивает ее о голову Рима. Тот орет во все горло от испуга.

— Заснял?! — спрашивает меня Ден.

Печально вздохнув, мотаю головой.

Алекса не пишет, давить не буду, подожду сколько нужно.

Готов даже на свидания походить... Почему-то я искренне боюсь её спугнуть. Не хочу упускать такую «актрису», как она.

Под конец дня замечаю у неё персональную сторис. Вряд ли меня добавили в список близких, скорее, она создала новый, где я один. На фото Алекса с парнем. Замираю на секунду, вмиг закипая, а потом тут же остываю. Ревность? Давно такого не ощущал, даже забавно. На её фото большое окно, за которым зима. Сейчас весна. Какая злючка...

Буквально через минуту получаю от неё фото и не могу сдержать улыбку. Решилась? Ей понравилось? Открываю сообщение и тут же роняю уголки губ обратно. Мда. Либо хочет меня подразнить, либо её телефон в чужих руках. Следом ещё одно сообщение:

«Ты обещал мне с подружками билеты на афтерпати. Когда отправишь?»

Понятно. Твою мать, Саша! А если бы я не удалил чат? Как бы ты выкручивалась, интересно? Печатаю ответ, попутно крича менеджеру:

— Я тебе сейчас адрес кину, отправь на него три билета.

— Три?

— Ровно три.

— Ок.

Получаю нужный адрес, пересылаю менеджеру. Посмотрим, как будете делить...

18

Целый день я потратила на шопинг! Никогда не чувствовала себя такой свободной, как сегодня. Да, в кармане у меня был не миллион, но после абсолютного нуля даже двадцать тысяч ощущаются по-особенному. Тратить свои деньги оказалось не так приятно, как мамины, так что на люксовые магазины я даже не смотрела, но и на распродажах выловила очень много чего классного. Особенно понравилось бельё под из тонкого кружева. Качество буквально никакое, но будто нужно лучше. Так не терпится его показать Максу... Вечером он обещал за мной заехать. Снова не спросила, куда мы поедем, да и, если честно, мне всё равно. Хоть под мостом будем сидеть — я согласна.

Надеваю тот самый комплект под платье. Практически незаметно — вот будет сюрприз. От одной мысли распаляюсь, как печка. Позирую у зеркала: передом, задом, даже на коленях. Невероятно сексуально. Если уж я еле держусь от того, чтобы не начать себя ласкать, то он-то... Тут же раздаётся звонок от Макса, и я пулей вылетаю из дома.

Приехал на арендованной машине, чёрной, совсем неприметельной. И сам оделся так, будто мы едем банк грабить. Балаклавы только не хватает.

Сажусь на переднее сиденье и не могу сдержать довольной улыбки. То фото, которое он так хочет получить, я так

и не отправила. Но несколько раз намекала на то, что оно не удалено.

— Смотри, что достал... — он заводит машину, попутно протягивая мне какую-то серую коробочку.

Мыльница. Такие ещё делают?

— Фотик? — удивляюсь. — Зачем?

— Хочешь, устрою тебе фотосет? На набережной сейчас очень красиво. — Он говорит так спокойно. Даже уютно...

Теряюсь в словах. Какой именно фотосет? Такой же, как...

— Просто у реки. Портрет, полный рост... — отвечает Макс, будто прочитав мои мысли. — У тебя красивые черты лица.

Заливаюсь краской и ныряю носом в воротник. Откуда такая романтика?

— Хочу, — отвечаю смущённо.

Макс улыбается и кидает камеру в бардачок.

— Саш, — добродушный тон становится серьёзным. — Ещё один такой прокол с телефоном и подружками — и мы больше не увидимся.

Ничего себе смена темы. И как он только понял, что это были они? Молчу, жуя собственную губу.

— И дело даже не в огласке, — продолжает Макс. — Они тебя живьём разорвут, если узнают о нас.

Смеюсь в голос. Ну нет, это уж точно бред.

— Переживаешь за меня? Больше, чем за свою карьеру?

— У тебя пока нет ничего, — Макс поворачивает ко мне

голову, — что могло бы испортить мне карьеру. И никогда не появится.

— Так уверен? — улыбаюсь в ответ. — А если появится?

— Уже строишь планы, как посадить меня под каблук? Как смело.

Макс по-доброму смеётся, выкручивая руль. Едем действительно к набережной. Не то чтобы я сомневалась, но...

— Не поссорилась с подружками?

— С чего бы?

— Вас четверо, а билетов я отправил три.

— Три?! Почему?!

— Они не бесконечные, Алекса. Всё посчитано.

Вжимаюсь в кресло и дую губы. Тори об этом умолчала. Вряд ли не заметила, но почему не сказала?

— Мог прислать мне персональный. Знаешь же почту.

— И как бы ты им это объяснила?

— Купила!

Макс странно дёргает бровями вместо ответа. Это что значит?

— Ты опять с ним? — взглядом он указывает на мой старый айфон.

— Он лучше держит заряд... — чуть ли не давлюсь воздухом от стыда.

— Пока мы едем, уже пять процентов ушло.

Какой он внимательный! На дорогу же всё время смотрел, как заметил вообще?! Прячу телефон в карман куртки и от-

ворачиваюсь к окну. В отражении стекла вижу эту гаденькую улыбку Макса.

— Хочешь, куплю тебе новый?

Стискиваю губы, зубы, даже, кажется, само горло сжалось.

— Мне нравится и мой. — Как же коряво это прозвучало! Через буквы так и слышится: «Хочу-у-у-у».

— Хорошо, — усмехается он. — Не хочу оскорблять тебя «подачками». Перефразирую. Хочешь заработать на новый?

— На что это ты намекаешь? — шумно сглатываю и косо оглядываюсь. Звучит странно. Но интересно.

— Сегодня ты моя модель, а я фотограф. Обычно за такое платят.

— А говорил — просто фото. Портрет, полный рост... — хмыкаю я. Нет, я совершенно не против раздеться, но не хочу, чтобы он это понял.

— Алекса! — Макс смеётся в голос. — Мне безумно нравится ход твоих мыслей, но платят не только за обнажёнку.

Оу. Вытягиваю губы и смущённо отворачиваюсь.

— И зачем тебе эти фото?

— На обложку альбома.

Чуть не падаю в обморок, услышав это. Сердце колотится так, что я задыхаюсь. Я на обложке альбома. Я!

— Если, конечно, выйдет хорошо.

— А если плохо?

— Не получишь новый телефон.

Замедляемся, Макс плавно заруливает на парковку неда-

леко от набережной. Как-то сегодня особенно тихо. Хотя будний день, кому после работы охота по паркам шататься? Тем более в этом районе...

Макс выходит первым, затем помогает мне, не забыв указать на то, чтобы я оставила телефон в машине. Какой же конспиратор. А вдруг мама позвонит?

— Я не буду его доставать без повода, — отговариваюсь я.

Макс морщит нос и мотает головой. Ладно, спорить не буду, мелочи. Всё равно в такой темноте на него ничего, кроме фонаря, не запечатлеть.

Идём по парку за ручки, как влюблённые. Он держит меня крепко, будто боится, что убегу. На лице у него очки без диоптрий — странное решение. Может, они с какой-нибудь поляризацией?

Часто он оборачивается на меня, внимательно и молча рассматривает. От этого по мне бегут мелкие мурашки. Может, заметил спрятанное под платьем эротическое бельё?

— Улыбнись-ка. — Макс неожиданно останавливается и сжимает мои щёки одной рукой. Сложно в такой позиции улыбнуться, но я пытаюсь. Этот пристальный взгляд начинает чуть пугать. Как у маньяка. Хотя... — Милое платьице.

Точно заметил! Не глаза, а рентгеновские лучи. И как реагировать? Подыграть?

— А ты точно купишь мне телефон? — бубню я ужасно вульгарной интонацией. — Не обманешь, как в прошлый раз? — Какой ещё прошлый раз? Что я ляпнула сейчас?

— Если будешь хорошо стараться. — Макс нежно треплет мою щёку, а затем совсем слегка шлёпает по ней ладонью.

Чувствую себя актрисой порнофильма. И очень охотно вживаюсь в эту роль! Когда там уже на колени падать? Кошусь на Макса, незаметно облизывая губы. В его мнимом сценарии я явно скромница, а не развратная сучка. Мне нравится.

Мы доходим до набережной, Макс ставит меня спиной к парапету, поднимает очки на лоб и щурится, рассматривая моё лицо. Холодный ветерок от реки щекочет ноги, трогает волосы, треплет подол платья. Первая распустившаяся листва шуршит, фонари разливают золотой свет по каменной плитке. Мы стоим достаточно долго, без слов и движений, как вдруг Макс достаёт ту самую мыльницу из кармана.

— Смотри мне в плечо, — отходит он на шаг и заглядывает в объектив.

Только я поднимаю глаза, как тут же срабатывает вспышка. Закрываю лицо руками и жмурюсь от неожиданности.

— Ты действительно будешь просто фотографировать? — спрашиваю я, растирая глаза, перед которыми летают круги. — Мне раздеться или как?

— Ты прямо очень хочешь это сделать? — хмыкает Макс и опускается на колени, всё ещё глядя в объектив. — Жарко, что ли?

— Нет, — хохочу я, защищаясь от очередной вспышки. — Просто не пойму, серьёзно ты или нет.

— Давай, — отводит он камеру от глаза. — Начнём с обычных портретов. А там решим, — двусмысленно улыбается он. — Ты и одетая ничуть не менее красивая, чем голая.

— А когда ты успел увидеть меня голой? — улыбаюсь в ответ, позируя на камеру.

— Не видел, но представлял. — Ещё пара вспышек.

— Перед сном? — хохочу в голос и залезаю на перила.

Ветер вскидывает волосы. Вспышка. Судя по лицу Макса, кадр вышел потрясный.

Начинаю крутиться так, как только приходит в голову. Ложусь на парапет животом, спиной, выгибаюсь, подкидываю ноги, даже прыгаю на месте, раскинув руки в полёте. Макс же буквально ползает по земле, вылавливая удачные ракурсы. Периодически хвалит, просит повторить или, наоборот, не делать так больше. Никогда бы не подумала, что он увлекается фотографией. Я думала, в свободное время он бренчит на гитаре или пишет стихи.

— А песни группе ты пишешь? — поворачиваюсь к нему задом и упираюсь локтем в парапет.

— Черновики пишет Рим, я дорабатываю за ним... — Макс останавливается и щёлкает что-то на камере. — Если за ним не править, то в треках ничего, кроме мата и вульгарностей, не будет...

— А Ден что делает?

— Музыку. Аранжировки. Он хоть и алкаш запойный, слух у него потрясный.

— Как вы удачно сошлись втроём.

— У продюсера глаз намётан.

Стою у перил, покачивая ногой. Вспышки прекратились, Макс всё высматривает что-то в камере. Оглядываюсь по сторонам, от волнения прикусываю губу. Пока он не смотрит, сделаю то, что хотела. Расстёгиваю молнию платья сбоку и стягиваю его вниз, буквально сбрасываю, как полотенце после душа. Остаюсь в чёрном кружевном лифе, поясе, узких стрингах, подвязках и куртке.

— Давай ещё раз... — поднимает Макс глаза. Очки со лба падают на переносицу.

— Как мне встать? — Дую губы, отводя взгляд в сторону, будто ничего не произошло.

Где-то полминуты Макс молчит и изредка моргает. Я начинаю жаться: неужели ему не нравится?

— А ты действительно хочешь новый телефон, да? — наконец оживает он и улыбается.

Снова вспышка. Улыбаюсь камере, выпячивая грудь.

— Ты обещал... — тяну жалобно.

— За хорошую работу... А не за просто так. Старайся лучше.

Медленно снимаю с себя куртку, специально очень долго, чтобы он успел сделать как можно больше кадров. Буквально тону во вспышках — это даже заводит.

— Недостаточно? — вновь пищу.

Макс убирает камеру от лица, вытягивает губы и мотает

головой.

— Пока совсем нет донатов, зайка...

Донатов? Играем в вебкам? Как мило прозвучало это «зайка».

— Что мне сделать, чтобы они их присылали? — скрещиваю ноги, строю из себя скромницу, прикрывая просвечивающие соски.

— Даже не знаю, — вздыхает Макс театрально. — Покажи, что ты прячешь под своими ладошками.

Он подходит ближе. Не свожу глаз с объектива. Быстро дышу, но не наигранно — мне действительно становится жарко. А что, если сейчас кто-то и правда наблюдает за нами из-за кустов?

— Я боюсь, что нас кто-то увидит... — чуть убираю ладони от груди, а затем начинаю медленно стаскивать чашки вниз.

— Боишься? Тебе есть что показать, пусть смотрят.

Спускаю лиф, оголяя грудь. Соски тут же твердеют от холодного ветра. Макс вновь замирает, глядя в объектив. В отражении камеры вижу себя на фоне сияющих высоток. Чёрт, это действительно очень красиво. Очередная вспышка. Прикрываю веки и отклоняюсь чуть назад, разрешая ледяной руке ветра пройтись по моей груди.

— Умница, — говорит Макс. — Половина суммы уже у тебя.

Томно и жалобно стону, чуть поднимая колено. Что ещё

он хочет увидеть?.. Может, пора уже убрать камеру?

— Покажи её. — Тон его становится чуть требовательнее.

Макс подходит ещё на два шага ближе, камера уже меньше чем в полуметре от меня. Спускаюсь вниз, на корточки, и раздвигаю колени. Он смотрит сверху, рукой поправляет прядь моих волос у уха.

— Будь послушной девочкой.

Заливаюсь краской от этих слов. Роняю взгляд вниз, затем снова поднимаю его на камеру. Не могу решиться отодвинуть бельё, мнусь и кусаю губы изнутри. Макс спускается на корточки рядом со мной, горячая рука накрывает лобок. Невольно стону, прикрыв веки. Он грубо массирует меня, ткань быстро напитывается влагой.

Камера наклоняется, объектив смотрит вниз. Сама не замечаю, как начинаю двигать тазом в такт руке Макса.

— Готова? — спрашивает он, убрав ладонь. — Или передумала?

Мотаю головой, закусив щёки. Тянусь к лобку, отодвигаю ткань трусов в сторону, демонстрируя камере пульсирующее от желания обнажённое тело. Камера тут же выключается, Макс кладёт её на землю, а затем целует меня в губы.

Едем домой молча. Я зла. Я невероятно зла. Лишь поцелуй! Только лишь поцелуй! Смотрю в окно и пыхчу, как печка. Он что, импотент? Хотя нет, точно нет. Но что это тогда было? Я такое вытворила, а он...

— Да ладно, — всё же оборачиваюсь к Максу. — Тебе реально не хотелось? Что не так?

— Не на улице же.

— Как меня раздевать на улице, так нормально!

— Ты сама начала.

— Ты издеваешься?!

— Нет, почему? — хмыкает Макс, глядя на дорогу. — У тебя парень есть, как я могу так поступить?

— Что?! Какой, нахрен, парень?! — взрываюсь вмиг. Если бы не ремень на плече, то я бы врезалась головой в крышу. — А... — и тут же остываю, поняв, о чём речь.

— Я думал, это твой тонкий намёк. Что ничего «серьёзного» между нами быть не может, — Макс говорит, не скрывая издёвки в интонации.

— А твой член у меня в горле — это не серьёзно?

— Не, — хмыкает он. — Обычное дело. Он часто в чьём-то горле.

Делаю глубокий вдох, сажусь в кресле ровно:

— Если так, то в моём он был первый и последний раз.

— Уверена? — улыбается Макс. — А я думал, ты как раз обиделась на то, что он там не оказался...

Вот мудень!

— Мы договорились на айфон, а не на секс. Я так дёшево не продаюсь.

— Это ты меня сейчас дешёвкой назвал?!

— Ох, Алекса...

Машина тормозит, перед глазами загорается красный свет светофора. Макс тянется ко мне и целует в щёку, грубо приобняв за плечи.

— В щёку — это не поцелуй... — хмыкаю я.

Он вновь наклоняется ко мне и теперь уже целует по-настоящему. Растворяюсь в его горечи, позабыв обо всём. А когда прихожу в себя, нам уже сигналят машины позади — давно горит зелёный.

19

Утром курьер привез мне запечатанную коробку и букет белых роз. Что, интересно, они значат на языке цветов? Невинность? Как мило. В коробке же, очевидно, телефон. Не хочу распаковывать его при маме. С тех пор как её уволили, она впала в какую-то апатию и лежит целыми днями на диване. Надеюсь, она не думает, что я буду работать? Та помощь была разовой акцией, да и, если всё же пойду, то первым делом рассчитаюсь с Соней. Давно она не звонила…

Цветы ставлю в вазу, мама это игнорирует. Хотя обычно всегда спрашивала: «От кого? За что? Нашла мальчика?». Сильно по ней это увольнение ударило. Ну, может, хоть розы ей настроение поднимут своим ароматом. Ставлю вазу прямо у её кровати и на прощание утыкаюсь носом в бутон:

— Я к Ким пойду, хорошо?

— Ты с ней рассчиталась?

Первые её слова за весь день!

— Да.

— Где ты взяла деньги?

— Заработала.

— Где?

— Была моделью в ТЦ. У машины стояла, помнишь, на первом этаже там… Синяя такая.

— И зачем?

— Чтобы заработать.

— Зачем им модель у машины, которая стоит там уже полгода?

Вот дотошная! Принесла денег — и всё, какая разница, откуда!

— Не знаю, — жму плечами. — Может, продать не могут.

— Саш, если ты взяла очередной кредит…

— Да кто мне его даст! — начинаю злиться. — Заработала, говорю же! Впервые в жизни мне повезло найти нормальную работу, а ты нудишь. Нет чтобы похвалить!

— Цветы от кого?

Вот это уже более привычный вопрос. Но не менее неприятный.

— Познакомилась кое с кем.

— С ним вчера была?

Ох, зря я сюда зашла… Надо было поставить вазу на кухню и свалить. Рада, конечно, что мама ожила, но что-то както не от всей души.

— Да, с ним. Всё, мам. Мне пора.

Она угукает и отворачивается к стенке. Ну и хорошо. Выхожу из комнаты, тихо прикрыв дверь, и обуваюсь. Коробочку с новым телефоном беру с собой, откроем вместе с Ким. Поможет мне заодно перенести всё со старого. Я с техникой всегда была на вы, в отличие от неё. Плюсы иметь подружку-зубрилку-душнилку.

По пути строчу сообщение Максу с просьбой скинуть

фотки со вчера. Давно пора аватарку обновить.

Захожу к Ким как к себе, тут же кидая кроссовки к стенке.

— Приветик! — кричу я и слышу, как начинает шуршать чайник.

— Принесла что-нибудь вкусное? — выглядывает Ким из кухни.

Вот что я забыла! Закатываю глаза и печально вздыхаю:

— Не-е-ет. А у тебя ничего нет?

— Сахар, — отвечает она с ноткой обиды.

— Давай закажем! Я оплачу.

Ким выходит из кухни и замирает в проходе с удивленным лицом:

— Ты нашла работу?

— Вот почему всем так интересно, откуда у меня деньги. Даже налоговой до этого дела нет.

— Каждый раз, когда у тебя появляются деньги, в моей жизни их становится кратно меньше.

— Финансовые потоки смещаются, да? — прохожу на кухню и по-хозяйски плюхаюсь на стул.

— Долги, Саша, — фыркает она, снимая чайник с плиты. — Чтобы перекрыть свои займы с конскими процентами, ты перезанимаешь у меня.

— Да не брала я кредит! — чуть ли не кричу от возмущения. Надоели. — Не бра-ла! Вообще, раз так, у тебя больше просить не буду.

— Ладно, не злись. — Ким ставит на стол две кружки и

разливает кипяток. — Я просто переживаю. Ты иногда бываешь очень безрассудна.

Молча опускаю чайный пакетик в воду и тянусь к сахарнице. Безрассудна. Ну и что? Выкручиваюсь же каждый раз. Не маленькая, всё понимаю.

— Как там твой рэпер?

Как я ждала этого вопроса! Довольно облизываюсь и достаю припрятанную под футболкой коробочку.

— Да ла-адно… — у Ким открывается рот от шока. — Неужели от него появилась польза. Последний?

Открываю коробку, достаю телефон и радостно снимаю пленочку. Он даже круче, чем у Сони. Самая новая модель, в трендовом цвете, максимальная память и суперкамера.

— Поможешь мне со старого всё перекинуть? — протягиваю телефон Ким. — Куда там нажимать надо?

— Мда, телефон умнее владельца…

Пропускаю этот укол мимо ушей. Я бы тоже завидовала на её месте и не сдержалась от токсичных шуточек.

— Давай старый… — тянет Ким раскрытую ладонь.

Не глядя отдаю второй телефон, сама же отхожу к крану, подлить в чай холодной воды.

— Банки не перекинутся, надо в отделение идти… — бубнит она. — Аккаунты сохранятся. Приложений почти нет, почему память забита?.. Пять тысяч фотографий?!

Жму плечами и отпиваю из кружки, не отходя от раковины.

— Что ты там такое фоткаешь? — принимается она листать галерею. — Алтарь Макса… А это что? Это ты?!

Роняю кружку на пол и выплевываю чай фонтаном. Буквально прыгаю на Ким со спины и пытаюсь выхватить из её рук телефон. То фото! Я забыла о нём!

— Это ты?! — повторяет она, уклоняясь. — Зачем?!

— Что зачем?!

— Зачем ты это сделала?! — машет она открытой фотографией.

— Что плохого в том, чтобы сделать любимому человеку приятно!

— Зачем он это сфотографировал?! И почему ты хранишь это?!

— Захотел и сфоткал, что такого! Мой телефон, что хочу, то и сохраняю.

— Скажи, что это нейронка, пожалуйста.

— Да что в этом такого страшного, Ким? Будто ты сама порно не смотришь…

— Это другое, Саша! Ты не понимаешь? Ни один парень, который уважает свою девушку, не будет фотографировать её в такие моменты. А если он это куда-то сольет? Или шантажировать тебя станет?

— Это фото есть только на моём телефоне, ясно? Я даже синхронизацию выключила, чтобы оно точно никуда не ушло. И всё равно ничего такого в этом нет! Я разрешила снять. Всё добровольно.

Ким закрывает глаза, проводит ладонью по лицу, странно вздыхает.

— Ну, теперь понятно, — она успокаивается и садится обратно на стул. — Не за просто так он тебе новый подарил…

Громко хмыкаю. Ну и что? Будто кто-то обязан за «ничего» такие дорогие подарки раздавать. Зависть — плохое чувство, Ким!

Она продолжает разбираться с телефонами, а я вытираю с пола разлитый чай. Кружка ещё разбилась… Могла бы и сделать вид, что не заметила эту фотку!

— Готово… — Ким кладет оба телефона на стол. — Пользуйся. Надеюсь, это стоило того.

Выпал бы её такой шанс, ты и двумя членами с радостью бы давилась! Отжимаю тряпку, выкидываю осколки кружки и вновь сажусь рядом с Ким.

— Тут тебе твой извращенец написал, — бурчит она, передвигая телефон ближе.

— О, фотки! — радостно говорю я. — Мы вчера ездили на набережную. Макс увлекается фотографией, представляешь…

— Это я уже заметила.

— Ну и не покажу, — закатываю глаза.

— Да ладно, — она пододвигает стул ко мне. — Надеюсь там приличнее что-то.

Открываю переписку и сначала смотрю сама. Мало ли, не те фотографии прислал. Ким их видеть точно не надо. До-

вольно улыбаюсь и поворачиваю экран к ней:

— Вот!

Ким молчит, я медленно листаю фотографии. Никогда в жизни меня не снимали красивее чем Макс. Ракурсы идеальные, выгляжу как инста-модель. Ни одной лишней складочки на шее или странного выражения лица. Несмотря на мыльное качество из-за старого фотоаппарата, получилось всё равно очень атмосферно.

— Неплохо, — вытягивает губы Ким. — Очень даже неплохо. Я и не знала, что ты симпатичная.

— Дура! — смеюсь я. — Ну очень же красиво… У него талант.

— Пожалуй, впервые не буду с тобой спорить. — Подпирает она щеку рукой. — Дай ещё раз пролистаю…

Отдаю ей телефон, сама принимаюсь наводить новую порцию чая. Оборачиваюсь на звук очередного сообщения, следом — щелчки клавиатуры.

— Что там? — оборачиваюсь.

— Он спросил, отправить ли остальное? Я ответила: «Да». — Снова звук сообщения, и не одного. — Пришли...

Вновь роняю чашку.

— Нет! Стой! Не смотри!

В этот раз Ким реагирует иначе. Замирает на месте, будто инфаркт словила, и медленно бледнеет. Фотографии летят быстрым потоком, отражаясь в черных глазах Ким. Вырываю телефон из её рук.

— Кто тебя просил отвечать?! — кричу на неё. — Он меня спросил, а не тебя!

— Саша, — говорит Ким спокойно, пялясь в стол, на место, где только что был телефон. — Он извращенец. Или фетишист.

— Почему? Из-за желания запечатлеть красоту?

— Ты стояла на улице в одном белье. Это не красота, это нарушение закона. А если бы тебя увидели?

— Это была моя инициатива.

— Которой он был, очевидно, рад, да? Ладно, тебе рвёт голову. Хорошо. Допустим. — Поворачивается Ким ко мне. — Но если бы ему реально было дело до тебя, он бы не позволил вытворять такое на улице! Ты там… Там… Цистита давно не было?!

Мама номер два. Только эта меня не содержит. А без этого отчитывать и критиковать мои поступки запрещается. Сурово молчу, дуя губы.

— Саш, — складывает она руки в замок. — Я не шучу. Понимаю, ты ослеплена кумиром, не видишь всех этих «красных флажков», но так нельзя. Нормальные парни такого себе не позволяют.

— Да откуда ты знаешь, что они позволяют, а что нет? У тебя вообще никогда не было отношений.

— Это не мешает мне здраво смотреть на ситуацию, в отличие от тебя.

Ну и как от неё отболтаться? Так хорошо утро начина-

лось! Тупое фото! Вот потянуло её галерею листать, а мне выкручивайся.

— Ким, — строго говорю ей. — Мне всё нравится. Всё, что Макс сделал, он сделал с моего разрешения. Понимаешь? Никаких извращений, просто фотки. Все присылают друг другу интимные фото. И мы с Максом тоже, только более… необычные.

— Хрен с тобой… — резко отворачивается Ким. — Твоё дело. Давай сделаем вид, что я ничего не видела.

— Отличная идея! — сажусь обратно за стол. — Так что… Закажем еды?

20. Макс

Утро началось крайне отвратно. На порог заявилась Вика с какой-то дамочкой в строгом костюмчике за спиной.

— Это мой адвокат, — шипит Вика, косясь на дамочку.

— Тройничок хотите? — поднимаю одну бровь, не сводя глаз с Вики. Не верю, что она действительно думает, что я их пущу.

— Я записываю разговор, — хмыкает адвокатша. — Каждое слово будет использовано в суде.

Она точно адвокат? Всего два предложения сказала, а я уже сомневаюсь в её компетентности. Может, дать Вике контакты кого-то получше?

Киваю, сморщив лоб, а затем «закрываю замок» на собственных губах. Вика раскрывает рот от возмущения, я же просто захлопываю дверь. Интересно, конечно, что они бы ещё рассказали, но рядом с диктофоном стоять не буду.

— Открой! — стучится Вика. — Немедленно открой!

— Максим, если вы пойдёте на контакт, то...

Завариваю кофе под их крики. Интересно, охрана ЖК подтянется на шум или надо звонить?

— Макс! — снова долбит она в дверь. — Мы нашли сайт, куда ты всё выкладывал!

Ага, десять раз верю.

— К «принуждению» припишем тебе «производство пор-

нографии», если не откроешь!

Ладно, это начинает раздражать. Открываю дверь рывком, Вика отпрыгивает на полшага. Рта открывать не собираюсь, пусть адвокатша этот диктофон сначала себе в задницу запихнёт.

— Что, будешь отмалчиваться до самого суда? Знаешь, какое мы громкое дело готовим! — шипит Вика. — Там такой список жертв, что...

Хватаю Вику за плечо и буквально затаскиваю в квартиру. Дверь хлопает прямо перед носом адвокатши.

— Каких ещё жертв?! — рычу ей в лицо. — Ты что несёшь?!

— Тех самых, которых ты так же, как и меня, использовал, а затем выпнул, как мусор! Я ведь их найду!

Найду? Оговорка?

— Найду, и мы засадим тебя за решётку лет на пятнадцать!

Вот дура. Вмиг остываю и возвращаюсь к кофемашине:

— Хочешь? — спрашиваю спокойно.

Вика недолго жмётся у двери, за которой психует адвокатша.

— Виктория, с вами всё хорошо?! Откройте! Не говорите ничего без меня!

— Я бы на твоём месте сшил себе губы, — улыбаюсь Вике. — Твой язык годен только на вылизывание яиц. Никак не для речи.

Она заметно краснеет, сжимает зубы и чуть ли не трясётся.

— Какой суд, Вик? Что ты там расскажешь? Как кончала перед камерой от метрового дилдо в заднице? Не думаю, что судья это оценит. Разве что попросит скинуть видео.

Грудь Вики медленно вздымается, затем опускается. Она явно что-то бубнит себе под нос, а затем раскрывает рот:

— Так отправь это видео мне, Макс. Пусть суд и посмотрит, как это было «добровольно».

Усмехаюсь в ответ, отпивая кофе. Действительно хочет видео? И как это поможет в её великом деле?

— Ты уже показывала миру своё шоу. И что-то никто не заметил принуждения... Хочешь слить ещё парочку?

— А может, и хочу. Я имею на них такие же права, как и ты! Ты хранишь дома материалы, которые могут порочить мою честь!

— Порочить честь? Интересно. Знаешь, а я их скину. Твоей матери. Устроит такое? — Достаю телефон и копаюсь в файлах.

Вика кидается ко мне и тянется к смартфону. Вытягиваю руку с ним вверх и смотрю, как она пытается до него допрыгнуть:

— Что именно тебя беспокоит, Викуль? В чём суть дела? Тебя бесит, что эти вообще видео существуют?

— Хочу, — прыгает она и хватает меня за локоть. — Чтоб ты сдох. Козёл, — кричит надрывно.

— Да давай. Плачь уже, чего терпишь?

Тут же по красным щекам начинают бежать слёзы. Вика буквально падает на колени, хватаясь за мою штанину. Какая прелесть, аж привстал.

— Силёнки кончились? — хохочу я и делаю пару глотков кофе. — Раз уж ты внизу, может, отсосёшь?

Она вскидывает голову, заплаканные глаза блестят, губы трясутся.

— Не знаю, что там придумала твоя сисястая адвокатша, но максимум, что вы сможете притянуть, — это, как ты и сказала, «производство порнографии». Но вот относиться это будет к тебе. Я ничего не сливал.

— Мы докажем, что ты извращенец, — хрипит Вика. — И что заставлял меня сниматься в роликах для фетишистов! Не сомневайся!

— Сама в это веришь? — опускаюсь на корточки, чтобы сравняться с ней взглядом. — Заставлял, это про силу. Принуждение. Я тут тебя не держал. Из-за каких там своих внутренних проблем ты соглашалась сниматься и как к этому причастен я, уже мало кого волнует. За деньги это было... За одобрение и похвалу... За жизнь в этой квартире... Или за раскачку твоего бложика...

— Я «работала» каждый день! — надрывает Вика голос. — Без единого выходного!

— Тебе заплатить за сверхурочные?

— Ни один суд не поверит, что это было добровольно.

— Ну... — вздыхаю и поднимаюсь на ноги. — Удачи на заседании. Захочешь снова классно потрахаться — заходи, всегда рад.

— Ничего... Из того, что ты заставлял меня делать, я не хотела... — Она медленно поднимается на ноги. — Чувствую себя использованным гандоном! — кричит так, что уши закладывает. — Ты лишил меня любой другой поддержки. Подруг. Семьи. Отец смотреть на меня не хочет!

Какая душещипательная история. Вот бы она быстрее закончилась...

— Да! Не держал силой! Но подавлял! Манипулировал! Ставил ультиматумы!

— К психологу походила, да?

— А самое главное... — Вика подбегает ближе и тычет пальцем мне в грудь. — Заработал на мне! На моём теле и здоровье!

— Твоя оплата — медийность. Думаешь, раскачать блог объективно скучной персоны так легко? Да я тратил больше, чем ты мне приносила.

Пухлые губки сжимаются в тонкую ниточку. Снова слёзы...

— Я не могу поверить в то, что всё между нами было лишь игрой. Просто съёмки. Без чувств! Я сколько всего позволила сделать ради тебя. Ради твоего удовольствия.

— Ты сама себе выдумала отношения, а я виноват?

— Ты сам мне говорил, что любишь. Каждый раз, когда

камера выключалась, целовал. Утешал...

— Чтобы минимизировать урон твоей пустой головёшке. И не более. Но, судя по всему, либо делал мало, либо вовсе зря.

Она хлопает ресницами, слегка мотая головой от шока. Давай, убеги, замкнись в себе ещё на полгодика, освободи меня от этой мозгоёбки.

— Мне было мерзко, — добавляю я, пока Вика не может собрать из букв слова. — Отвратительно до безобразия, но работа есть работа. Мы с самого начала договорились о съёмках. Ты модель, я режиссёр, ничего больше.

Вика гаснет прямо на глазах. Её психолог обязан мне по гроб жизни и даже чуть дольше.

Раздаётся сигнал уведомления. Достаю телефон из кармана, будто Вики в комнате нет. Когда она уже свалит? Странно, что адвокатша за дверью молчит.

«Отправишь мне вчерашние фото?».

Не могу сдержать улыбки. Так хочу ответить: «Сначала ты», но не буду.

— Очередную дуру разводишь? — бурчит Вика, утирая слёзы.

— Поумнее тебя будет... — Убираю телефон и отхожу к столу с компьютером. — Долго тут ещё будешь сопли пускать?

— Над ней тоже надругаешься и бросишь?

Надругаешься... Она хоть понимает значение этого слова?

— Викуль, моей вины нет в том, что спрос на твоё вытраханное тельце спустился до нуля. Прими это уже. Ты больше не интересна ни мне, ни зрителям.

Подключаю мыльницу к системнику. Вика молчит, топчась на месте.

— Если сказать нечего, то уходи. — Указываю жестом на дверь. — И не приходи больше, особенно со всякими «адвокатами». Я при них ни слова тебе не скажу.

Всё так же молча она уходит, опустив нос почти до груди.

Зачем приходила? На что надеялась? Что я раскаюсь и извинюсь? Или возьму её обратно? Не понимаю. Суд — звучит как полная чушь. Почти полгода прошло с нашего расставания, вовремя очухалась. Интервью начала раздавать... Деньги, может, кончились? Если хочет поднять медийку на скандале, то уже подняла, и пора притормозить...

Листаю вчерашние фотографии Алексы, молча размышляя о Вике. Между ними двумя мало общего. Что внешне, что по характеру. Разве что взгляд похож: наивный, немного напуганный. Такой всегда классно выглядит в кадре.

На глаза попадается первая фотография Алексы без платья. Да, именно взгляд цепляет больше всего. Она испугана, загнана в угол, но при этом ей это нравится. Зрачки так и кричат: «Поймай меня уже».

Отправляю Алексе только «одетые». Они вышли даже лучше, чем остальные. Когда она разделась, у меня начали дрожать руки от возбуждения, часть кадров не четкие.

Честно, не ожидал от неё такого. Представлял, но всё равно немного испугался от напора. Обычно я уговариваю на подобные штуки не один день, а тут...

Первая часть фото улетает, пока я рассматриваю остальные. Хоть Алекса и сама была инициатором и эти фото её явно не шокируют, я все еще боюсь напугать. Давно так искренне не переживал за «менталку» моделей. Не считая Вики с её регулярными истериками. Один раз после стрима начала рыдать так, что посинела и стала задыхаться. Перепугался я тогда не на шутку, принялся утешать чересчур уж активно. Наверное, в тот день у неё крышу и сорвало. Моя ошибка. Нужно было дать ей нареветься и напоить чем-нибудь покрепче. Хотя нахер соглашаться на жёсткие сцены, если не хочешь? Ради меня? Обойдусь, спасибо.

Последняя фотография на флешке заставляет меня краснеть так, будто впервые вижу, что у женщины между ног. Она отодвинула трусики так невинно, одним пальчиком. Улыбаюсь как идиот, глядя в экран. Была не была, строчу Алексе сообщение с вопросом, присылать ли вторую часть. Пусть сама решит.

Ответ приходит почти моментально, чуть не вскакиваю со стула от радости. Хочет! Отправляю остальное и бегу за остывшими остатками кофе.

21

Сегодня очередной сбор нашего фан-клуба. Интересно, как Тори собирается делить три билета. Предложит Соне купить себе отдельно? Было бы правильно: для неё это несерьёзные деньги, в отличие от нас. Отдам ей за проданный айфон, и пусть сразу покупает билет. Свой уступать я точно никому не собираюсь, обойдутся. Макс прислал их мне, хоть и на почту Тори.

Как всегда, опаздываю, все уже собрались за нашим столиком. Подходя к нему, неосознанно замедляю шаг. Соня выглядит очень... необычно. Как-то слишком просто: волосы не уложены, макияжа нет вовсе, лицо опухшее.

— П... привет? — Сажусь на свободный стул с лёгкой неловкостью. Соня беззвучно плачет, уставившись в стол. — Я тебе принесла. — Достаю из сумки деньги и кладу на стол. — Держи. За телефон.

Она молча кивает и пододвигает стопку к себе чуть ближе. Мотаю головой, задавая сотню немых вопросов девочкам, но те лишь жмут плечами.

— Что случилось? — наклоняюсь к Соне ближе и кладу руку на её запястье.

— Папу арестовали... — шепчет она, еле шевеля губами. — Счета все заморожены... А с последней незаблокированной карты кто-то начал снимать деньги. — Слушаю её и мед-

ленно бледнею. — Я испугалась, что всё снимут, и... сама её заблокировала!

— Так разблокируй обратно, — утешаю я. — Это же легко.

— Чтобы её разблокировать, нужно было ждать сутки. Пока я ждала, приставы и эти деньги «заморозили». — Соня роняет голову на стол и начинает рыдать сильнее. — У нас ни рубля не осталось. Даже на адвоката нет. Приставы всё вынесли, дом вверх дном перевернули.

Закрываю рот ладонью от шока.

— Боже мой, Соня... — бубнит Оксана.

— Жесть... — добавляет Тори. — Это что он такого сделал?

— Не знаю... — мотает головой Соня.

Я молчу. Не могу поверить собственным ушам. Неужели моя мелкая шалость могла довести до такого? Да быть не может...

— Что делать теперь? — спрашиваю я, голос заметно дрожит.

— Не знаю. — Соня поднимает голову. — Мама бегает по друзьям отца, может, кто и поможет, но... вряд ли. Пока не арестовали и имущество, будем пытаться продать дом, чтобы оплатить адвоката. И ещё, девочки... Я бы хотела продать свой билет на следующий концерт. Из тех, что нам прислали. Сейчас каждая копейка на счету.

Шумно сглатываю и перевожу взгляд на Тори. Она поче-

му-то тоже смотрит на меня, странно прикусив губу.

— Билета всего три, Сонь, — говорит она негромко. — Но я думаю, будет справедливо, если Саша отдаст тебе свой.

— Почему это я? — хмыкаю я.

Да, я общаюсь с Соней чаще всех остальных, но это не значит, что я должна отдавать ей свой билет.

— Я очень хочу помочь Соне, но почему именно я? Может, хотя бы спички будем тянуть?

— Взываю к твоей совести, Саш, — продолжает Тори.

— А при чём тут моя совесть?! — хмурюсь. — Билеты прислали мне!

— Да ладно, девчонки. — Тихо смеётся Оксана. — Я согласна отдать свой. Сейчас скину, Сонь!

Ей Тори уже отправила билет? То есть она единолично уже решила, кто пойдёт, а кто нет?

— Нет, Окс! Мы с тобой идём! — Отмахивается Тори. — Саша и так слишком часто бывала на «халявных» мероприятиях. Наша очередь.

Ах она сучка! Вот, значит, как, да?

— Я тебе ещё раз говорю! Билеты прислали мне! — привстаю со стула и тычу пальцем в Тори. — И если мы уж и будем решать, кто не пойдёт, то честным способом. У тебя вообще никаких прав нет на эти билеты, ясно?

— А у тебя не было права идти в випку по билету Сони, и что с того? — усмехается Тори. — Ты же всё равно пошла.

Соня широко раскрывает глаза и поворачивается ко мне.

Вот блин. Тут же падаю на стул и складываю руки на груди.

— Саша, ты?.. — бубнит Соня.

— Она устроила фальшивый розыгрыш и пошла сама! А нас попросила тебе не говорить.

Закатываю глаза и вздыхаю:

— А что, завидно, что сама до такого не допёрла, да? — обращаюсь к Тори. — Ты всё равно не могла по нему пройти сама! — А затем поворачиваюсь к Соне.

— Вы знали? — окидывает она взглядом Тори с Оксаной. — И молчали?..

Закрываю рот и болтаю ногой под столом. Да, я косяк, но и они вдвоём не лучше. Вот пусть сами и объясняют, почему врали. Пока Соня с Тори спорят о том, кто виноват больше, достаю телефон и собираюсь полистать ленту, чтобы унять тревогу. Но тут же Соня выхватывает его у меня из рук.

— Откуда? — хрипит она. — Откуда у тебя такой телефон?!

— Купила, блин! — Пытаюсь забрать телефон обратно. — Что, уже нельзя себе смартфон купить?

Забираю его обратно и прячу в сумку. Дикарка какая!

Соня нервно кивает, шмыгая носом:

— Милое платье, кстати, — резко переводит она тему. — И кроссовки тоже...

К чему это она ведёт? Инстинктивно отклоняюсь назад.

— Кем ты устроилась, Саш? — подхватывает Тори.

— Моделью, — отвечаю раздражённо. Вот пристали.

— И какой это модели платят столько, что она, и месяца не отработав, покупает себе последний айфон? — Тон Сони меняется, становится ниже, грубее.

— А Ваше Зажравшееся Высочество про рассрочки слышало? — Ой, зря я это сказала. Тут же прикусываю язык. — Прости, Сонь. Прости... Что-то я не подумала...

Не успеваю договорить, как Соня швыряет в меня чашку:

— Ты украла деньги с моей карты! Ты!

— Да с чего ты взяла?! — Вскакиваю со стула и уклоняюсь от летящей салфетницы.

Тори с Оксаной замирают от неожиданности и просто молча смотрят на то, как Соня швыряет в меня всё, что лежит на столе.

— Наличку снимали в ТЦ у твоего дома! А через десять минут айфон пропал из сети! Ты отдала его скупщику, а перед этим подоила мою карточку!

Хватаю со стула свою сумку и отбегаю в сторону:

— Прости, Сонь! — Понимаю, что отпираться смысла нет. — Мне правда были нужны деньги! Я хотела всё вернуть потом! Кто же знал, что так сложится!

На столе кончаются предметы, Соня встаёт и с невероятной легкостью швыряет в меня стул. Слышу свистки и крики охранников, бегущих к нам.

— На что тебе были нужны деньги?! На шмотки?! — Второй стул летит следом за первым. — На новый айфончик?! Ты понимаешь, в какой я сейчас жопе из-за этого! Ты, ни-

щее уёбище! Правильно отец говорил, что такие, как вы, — нихуя не цените! Никакой помощи и поддержки!

Резко прячусь за Тори, а затем ныряю под стол. Слышу крик Тори: в неё прилетел поднос. Заслужила.

Не успеваю отползти достаточно далеко: Соня хватает меня за ноги и вытаскивает обратно. Тут же её хватает охрана, а я — убегаю. Слышу её рёв вслед, но не оборачиваюсь. Потом позвоню. Когда найду, как вернуть деньги...

22

День сегодня пасмурный, порывом ветра сорвало часть крыши с соседнего дома. Ливень стучит в окно с самой ночи, свет иногда отключают. Машин во дворе больше, чем обычно, будто люди боятся выйти из дома. Пешеходов и вовсе нет. Облака такие густые и тёмные, что без часов не понять, день сейчас или ночь.

Вдобавок к давящей погоде на меня ещё насела и совесть. Её тяжесть — хуже любой из пыток. Ненавижу это ощущение кровоточащей раны внутри. Откуда я могла знать, что дела у семьи Сони настолько плохи? По одному разговору по телефону, в котором она ничего особо не пояснила? Если бы Соня поделилась со мной этим, то я бы даже и не подумала снимать деньги с её карты...

Бурчу себе под нос всякое и обиженно плюхаюсь на кровать. Как бы сильно ни пыталась себя убедить в том, что вина Сони куда больше моей, легче не становится. Если не верну деньги, то совесть точно задушит. Ещё и эти билеты… Надо было согласиться и отдать ей свой. Зачем я начала упираться?

Не понимаю только, почему Тори так поступила. Зачем рассказала Соне о конкурсе, ещё и в такой момент... Я ей даже денег не должна, отчего такая злоба? Позавидовала фото с Максом? Так она потом тоже своё получила, в чём пробле-

ма?

Единственная, кто осталась на стороне адекватности, кроме меня, — это Оксана. Надеюсь, она сможет вырулить ситуацию... Самой мне точно никак.

Бреду на кухню, включаю чайник, размышляя о том, что делать. Мама щёлкает каналы на старом телевизоре со странными вздохами. Уже третий круг пошёл…

— Как у тебя дела с тем мальчиком? — бубнит она.

— Нормально… А у тебя с работой?

— Не знаю, — отвечает она сухо. — Не хочу ничего искать.

— В смысле? — оборачиваюсь к маме. — А за квартиру чем платить будем?

Мама жмёт плечами и продолжает щёлкать каналы:

— Я так устала от этого города. Суеты. Гонки…

— Ма-ам, — тяну недовольно.

— Переедем к бабушке на дачу.

— В эти перди?! Оттуда до Москвы полтора часа. На автобусе! И это только до метро!

— Мне всё равно.

— А как же моя учёба?! — резко вспоминаю об этом. — Я же поступать собираюсь! На искусствоведа, ты забыла?

— Поступишь — получишь общежитие.

— А до этого мне как на курсы кататься? И как их оплачивать?

— Не знаю, Саш, — мама пугающе усмехается. — Не

знаю… Я не знаю, на какие деньги нам молока домой купить… А ты про курсы. — Снова смех, от которого у меня по спине бегут мурашки.

— Мам, да что с тобой?! — Чайник закипает. Резко дёргаю рычажок, не дав воде забурлить достаточно сильно. — Что случилось?

Она не отвечает. Ветер за окном воет, как голодный волк, дождь долбит по металлическому карнизу, будто по барабану. Телевизор урчит и шипит, выдавая бессвязные обрывки предложений.

— Даже не знаю… — хмыкает мама. Каналы щёлкают всё быстрее. — Может, то, что меня выперли с единственной работы после стольких лет? Или то, что рынок так изменился за эти годы, что никому уже не нужна сорокалетняя бухгалтерша?

— Ма-а-ам, — вздыхаю я. — Это всего лишь работа. Будет другая.

— Или то, — продолжает она, — что на моей шее взрослая дочь, которая регулярно добавляет к и без того тяжёлой ноше какой-нибудь кредит на юбку? Или то, что я потратила свою молодость на ребёнка, которого не сильно хотела, а потом пахала без продыху, чтобы этого ребёнка обеспечить, ведь его отец подсел на азартные игры?...

От каждого её слова в моей груди расползается чёрная дыра. Как можно говорить такое своему ребёнку? Я же не виновата в том, что родилась. Что хочу жить лучше, что не хо-

чу повторить её же судьбу...

— Не хочешь на дачу — значит, едь к отцу. Или работай и обеспечивай себя сама. Мне всё равно, Саш… — Мама встаёт, оставив телевизор включённым на каком-то новостном канале.

— Он же в коммуналке живёт… — бурчу вслед. — Там восемь мужиков на три комнаты.

Мама не отвечает и уходит к себе. Ещё недолго стою на кухне, кошусь на телевизор, тереблю чайный пакетик. Не по себе… Раздаётся громкий взрыв: молния ударила недалеко от дома. Свет гаснет, телевизор выключается, остаюсь одна в практически полной темноте.

Единственный источник света — мой новый телефон. Он же и единственная ценная вещь в этом доме. Не хочу даже думать о том, что его придётся продать, но... В такой жопе я ещё никогда в жизни не была. Простит ли это Макс?...

Только я о нём подумала, как тут же приходит сообщение:

Тебе достался билетик?

Ещё и билет... Я не могу ответить правду. И не могу не пойти на концерт. Блокирую экран и кладу лоб на стол, оставив сообщение без ответа. Вновь гром, молния освещает кухню. Может, этот концерт вообще отменят из-за погоды? В такой ураган выходить не хочется даже...

Когда дождь чуть стихает, слышу, как мама рыдает в подушку. Отвратительный день. Кошмарный день! Телефон вибрирует, смотрю в экран:

Приезжай сразу на афтер. Я за тобой отправлю машину.

Кладу телефон экраном вниз и иду к комнате мамы. Дверь оказывается закрыта изнутри.

— Мам, открой, пожалуйста. — Ответа нет, лишь всхлипывания. — Мам, я найду деньги. Телефон продам, нам на три месяца аренды хватит... Завтра схожу, хорошо? Не плачь только. Хочешь, на работу устроюсь? Полы помою? Прямо сейчас!

Молчание. Не знаю, что ещё придумать, чтобы её утешить. Я уже правда готова продать подарок Макса, лишь бы ей помочь... Сажусь на пол прямо у двери. Может, выйдет? Или скажет что-нибудь?

Свет резко включается, на кухне бубнит телевизор. Надо помыть полы, раз уж ляпнула. Как-то я и не замечала, как у нас грязно. Плинтуса в пыли, коврик в коридоре только в мусор — отмыть его вряд ли возможно. Обои в каких-то жёлтых пятнах, всюду бардак и вещи...

Мама работала практически без выходных, когда ей было убираться? А мне лень... Бреду в ванную и набираю ведро воды. Сантехника древняя, унитаз вообще со сколом. Он всегда такой был? Как-то тоже не обращала внимания. Ещё и босые ступни к плитке липнут, давно я не заходила сюда без тапок. Достаю тряпку из шкафчика, дверцы противно скрипят, и самой тряпке давно бы на покой... Швыряю её в воду, пальцами притапливаю. Какая же ванная грязная, вся в мыльном налёте. Мама много раз просила протирать её по-

сле душа, но я этого никогда не делала. Почему-то. Отжимаю тряпку, набрасываю её на швабру.

— Мам, я полы мою! — намеренно громко шаркаю шваброй по линолеуму. — Будет чисто, как ты и просила! — Всё ещё молчание, но хоть плач остановился. От этого даже дышать легче стало. — А потом пойду ванную помою, хорошо?

Старательно скребу полы, протираю плинтуса, даже коврик сходила вытряхнула в подъезде. Вода в ведре оказалась такая чёрная, будто в неё вылили банку туши. Да, надо потратить денёк на генеральную уборку.

На ванную уже сил не остаётся, откладываю это до завтра. Ещё и собираться пора, время летит так быстро, когда занят делом. Мама, наверное, уснула уже. Часто бывает: наплачешься, а потом вырубает на полдня. Пусть отдыхает.

Последний час дома трачу на быстрый ужин. Не для себя, всё ещё для мамы. В холодильнике только яйца и сосиски. Делаю глазунью наспех, один желток рвётся, отчего мордочка яичницы будто «плачет», но сосисочная улыбка чуть исправляет ситуацию. Оставляю свой кулинарный шедевр на столе, сама же убегаю собираться. Максу ответить я забыла, но он и не ждал, молча отправив мне такси.

23

Здраствуйте, в этой главе есть тег "анал", если для вас это неприемлимо, то читайте с осторожностью или пропустите часть текста :)

Сижу в такси и чувствую себя отвратительно. Впервые в жизни не хочу ехать на вечеринку. Мир вокруг буквально кричит остаться дома, сердце не на месте. Почему-то сильно переживаю за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.